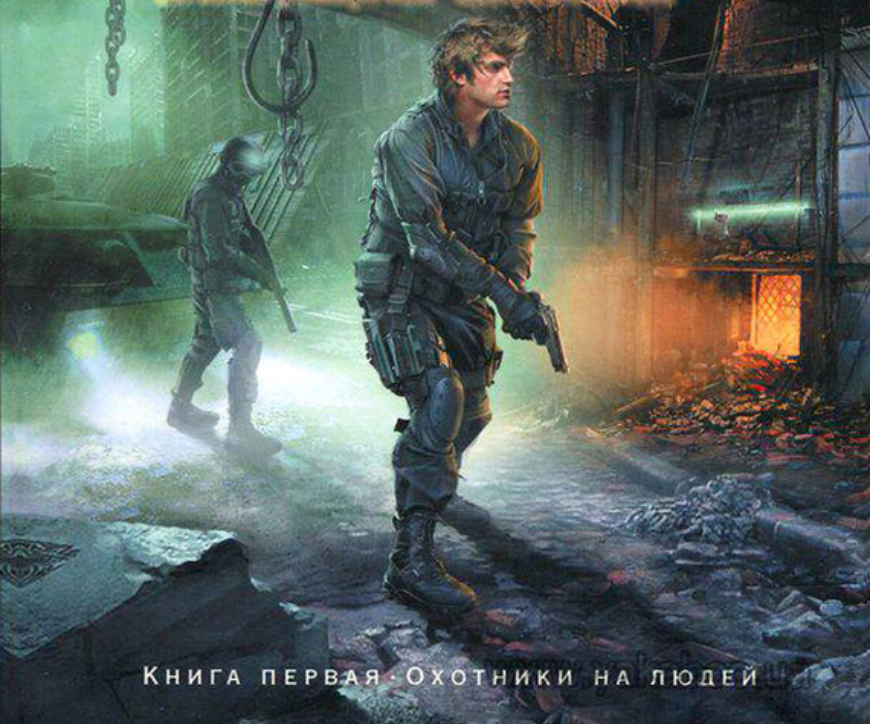

ПРОЕКТ ФАНТАСТИКА · ПРИКЛЮЧЕНИЯ

РУСЛАН МЕЛЬНИКОВ ХЭДХАНТЕР

КНИГА ПЕРВАЯ · ОХОТНИКИ НА ЛЮДЕЙ

Руслан Мельников
Охотники на людей
Серия «Хэдхантер», книга 1

Текст предоставлен правообладателем.

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=4889435

Мельников Р. Хэдхантер. Охотники на людей: Эксмо, Домино; Москва;

2010

ISBN 978-5-699-40587-9

Аннотация

После череды экономических кризисов общество окончательно разделилось на хозяев жизни и рабов. Хэдхантерские бригады отлавливают объявленных вне закона «диких». На биржах продают и покупают невольников. Людей приковывают цепями к рабочим местам. Процветает легализованный секс-рынок, пользуются популярностью кровавые гладиаторские шоу...

Борису Берестову удастся завербоваться в хэдхантеры. Теперь у него есть престижная высокооплачиваемая работа, а впереди маячат блестящие перспективы. И вот из подствольного ампуломета выпущена первая парализующая ампула и подстрелена первая жертва. Но ведь за все в этой жизни приходится платить.

Книга публикуется в новой авторской редакции.

Содержание

Пролог	4
Часть первая	10
Глава 1	10
Глава 2	24
Глава 3	38
Глава 4	51
Глава 5	67
Глава 6	79
Глава 7	90
Глава 8	101
Глава 9	114
Глава 10	123
Конец ознакомительного фрагмента.	126

Руслан Мельников

Хэдхантер.

Охотники на людей

(Новая авторская редакция)

Пролог

Сначала прилетело слева. В челюсть.

И сразу же последовал второй удар. Прямой, в рыло.

Смачный шлепок и тупой хряский звук – их Борис услышал не ухом, ощутил всей черепушкой. Взболтнувшиеся мозги. Взорвавшаяся в голове боль. Кровавые сопли фонтаном. Солоноватый привкус во рту. Разбитая губа. Вывороченный зуб. Из носа хлещет в два ручья...

Пропущенные удары были сильными и хорошо поставленными: Ленка драться умел. И Ленка тоже хотел получить эту работу.

На краткий миг все вокруг поплыло, заискрилось, растеклось красными разводами. Борис потерял ориентацию в пространстве. Отступил, отшатнулся, лишь по чистой случайности избежав добивающего хука. Едва устоял на ногах.

Соблазн упасть был велик. Но падать сейчас никак нельзя:

упадешь – Ленька подняться уже не даст. Запинает, затопчет. Ноги у него сильные.

В глухую защиту Борис тоже уходить не стал: повалят в два счета. Лишь инстинктивно, на автомате, скользнул влево – с линии атаки. Снова чудом уклонился от кулака противника.

Ленька не сумел развить успех. Ударил мимо, и Борис, еще толком не придя в себя, ответил мощной боксерской «двоечкой» на выдохе. Почти вслепую. Работая корпусом, вкладывая в эту пару ударов всю силу.

Удалось! Кулак на контратаке достал подавшегося, было, вперед и неосмотрительно открывшегося противника. Впечатался в правый глаз. Х-х-хорошо так впечатался! Ленькина голова аж мотнулась назад, а сам он, непроизвольно вскинув руки к лицу, отпрянул.

Теперь – не останавливаться! Теперь – добивать!

Борис попер буром. Нос сильно кровил, дышать приходилось сквозь стиснутые зубы. В башке гудело, в ушах стучало. Но это ерунда, это мелочи. Превозмогая усталость, боль и дурноту, Борис лупил закрывшегося Леньку. Лупил яростно, исступленно.

Было тяжело: пятый поединок подряд, как-никак. Пятый противник. Но это решающий поединок. И это последний противник. В голове билась только одна мысль: «Мне нужна эта работа! Мне нужна...»

Ленька – здоровый бугай, крупнее Бориса и выше на пол-

головы – держался под градом ударов достойно. Не падал. Отбивался, как мог. Она ведь и ему нужна. Такая работа нужна им обоим, позарез нужна. Но для того и устраивались эти бои, чтобы выяснить, кому нужнее.

Борис наступал.

Мне!

Удар.

Нужна!

Удар.

Эта!

Удар.

Работа!

Удар. Удар. Удар.

Ленька попытался взять Бориса на болевой. Зря! Захват не получился. Потная рука легко выскользнула из мокрых ладоней. И снова...

Мне! Нужна! Эта! Работа! Удар-удар-удар-удар...

Однако Ленька – сталь, не человек! – устоял опять. И не просто устоял. Крутанулся словно волчок. Неожиданно шархнул с разворота ногой по бедру. Быстро, резко, сильно. Как из пушки выстрелил.

Ни прикрыться, ни отскочить Борис не успел. Твердая, набитая на тренировках голенная кость рубанула как арматура. Попавшую под пинок мышцу свело от боли. Борис отступил, стараясь не хромать.

Нет, Ленька, гад, заметил. Оскалился по всю пасть. Зубы

поредели, губы – как оладьи с вареньем, под носом кровавая юшка. А в глазах радость. Было от чего...

В схватке наступил перелом. Роли поменялись. Теперь уже Бориса осыпали ударами, а он едва-едва успевал защищаться. У противника словно открылось второе дыхание. Ленька навалился с новой силой. И целит, сволочь, по отбитой левой ноге.

Пробил защиту. Попал!

До чего же больно!

Еще раз!

Нога занемела. Земля тянула к себе.

Борис отступал, оберегая, ноющую ногу.

Долго продержаться под столь яростной атакой невозможно. Но, на счастье Бориса, Ленька поспешил. Чувя близкую победу, он оплошал в очередной раз. В последний. Широко расставив ноги, размахнулся.

Видимо, хотел завалиться заключительным ударом. Костоломным, сокрушительным, таким, чтобы без вариантов.

Только не сложилось.

Борис решился. Левая нога едва способна была выдержать вес тела. И все же... Он рискнул. Что было сил, пнул противника. Правой. В пах.

Правил здесь нет – и слава богу! На хрен правила, когда на кону такая работа!

Короткий утробный вскрик. Есть! Удар прошел! Ленька согнулся пополам, словно подставляясь специально. Теперь

за уши его, и м-мордой об колено.

Отчетливо хрустнуло. Еще один крик. Наверное, сломан нос.

А Ленька все не падал. Преодолевая боль, попытался разогнуться и продолжить бой. Крут, ничего не скажешь. Силен, бизон! Впрочем, это уже ничего не решало. Дальше была не драка – избивание.

Мне! Нужна! Эта!

«Троечка»...

Работа! Мне!

«Двоечка»...

Нужна! Эта! Работа!

Еще одна «троечка».

Ну вот! Терпение и труд все перетрут.

Ленька рухнул на спину. Борис навалился сверху. Не надеясь больше на ноги, он завершал дело кулаками. Нужно было и этот, последний, поединок довести до конца. До самого. Здесь нельзя победить по очкам. Здесь жесткое условие: победа должна быть полной и безоговорочной. Чтобы побежденный не смог подняться. Здесь – как на гладиаторских боях. Разве что убивать соперника не обязательно. Хотя некоторые за такую работу готовы махать до потери пульса.

Мне нужна...

Ленька еще вяло сопротивлялся. Борис лупил наотмашь, вбивал человека под собой в землю, превращая его лицо в

кровавое рагу.

... эта работа!

Ленька должен лежать в отключке. И все! И точка!

Мне нужна...

Только так можно добиться гарантированной, неоспоримой победы. Только такой ценой можно ее добиться. А победа – это...

...эта работа!

Больше не думалось ни о чем. Все остальное забылось напроочь.

И то, что Ленька – неплохой, в общем-то, парень. Почти-корешок. Был. До этого поединка. А сейчас он не спарринг-партнер даже. Сейчас он – заклятый враг. Препграда на пути к заветной цели. Сейчас бывшая приязнь и дружба – по боку! Сейчас все – по боку. Сейчас...

Мне! Нужна! Эта! Работа!

Сейчас. Прямо сейчас. Так что ты уж извини, Ленька.

Борис бил, бил, бил...

Не замечая, что ответных ударов больше нет, а человек под ним уже не шевелится.

Часть первая

Глава 1

День выдался жаркий. Давно не мытые окна с потрескавшимися стеклами были распахнуты настежь. Массивный блок сплит-системы под потолком облегчал жизнь разве что паукам, навесившим на него свои ловчие сети. Убитый кондиционер не работал уже целую вечность.

На стене с выцветшими обоями негромко бубнила старая телевизионная панель. Изображение было довольно сносным: «тарелка» на крыше конторы пока, слава богу, ловила спутник. И спутники пока, слава богу, летали.

Шел выпуск новостей. Тресы-ведущие – мужчина и женщина – улыбались профессиональными улыбками и на два голоса пели привычную песню о том, как лихо страна выходит из посткризисной депрессуши.

Над воротником и галстуком прилизанного диктора-мачо поблескивал стильный ошейник. Длинную шею роскошной сильно декольтированной блондинки тоже охватывал обруч, похожий, скорее, на массивное ожерелье с ушком для цепного замка. Свободно свисающие цепи тянулись куда-то за пределы кадра.

Тихонько поскрипывали раздолбанные стулья. Люди, си-

девшие перед телевизором, пилились все больше на блондинку. Бегущая строка в нижней части экрана предлагала ведущих в аренду и на продажу. Правда, вот цены... Особенно цена блондинки. Запредельные, невообразимые бабки! Можно было только догадываться, сколько заработали на теледиве охотники-хэды и посредники-перекупщики и как навариваются теперь на ней хозяйева канала.

Борис отвел глаза от экрана. В небольшой убого обставленной приемной хуторской конторы, арендованной ставродарскими хэдхантерами, ждали последнего собеседования успешные кандидаты. Десять человек. Все с побитыми мордами, все держаться напряженно. Косятся друг на друга, смотрят исподлобья. Не разговаривают. Еще бы! Конкуренты...

Леньки среди них не было. Ленька сейчас отлеживался у хуторского фельдшера. Ленька испытание не прошел.

Потому что прошел Борис.

Он сидел у окна. С завистью поглядывал на пятнистый, с черно-белыми хэдхантерскими нашивками камуфляж охотников, бродивших во дворе конторы. С тревогой – на дверь, в которую предстояло войти. И выйти из нее либо хэдхантером, либо таким же неудачником, как Ленька.

Хэдхантер... Это словечко – одно из многих, пришедших из чужого языка и прочно вросшее в родную лексику, – Борису не нравилось. Но «неудачник» – и вовсе пакостное слово.

На душе было пусто, мутно и муторно. Борис выложился по полной и больше от него ничего не зависело. Теперь он мог только ждать, когда вызовут. И когда решат. За него. Его судьбу.

Позади остались отборочные бои. Позади – резюме, тесты, собеседования, тесты, физнормативы, тесты, стрельбы, тесты, вождение, тесты, ай-кью, полиграф, проверка на реакцию, выносливость и психологическую устойчивость, тесты, тесты, тесты...

И – баллы, баллы, баллы...

Можно сказать, ему везло. Пока везло. Первым везением стало появление в их отдаленном Богом забытом Хуторке команды хэдхантеров из областного центра. Ставродарские охотники за головами, направлявшиеся на территорию диких, захотели пополнить свои ряды, что случалось нечасто. В группе имелось целых три вакансии. Более того, как намекнули хэды, они были готовы внимательнейшим образом рассмотреть все достойные кандидатуры для дальнейшего сотрудничества.

Потом Борису повезло, когда удалось завалить в отборочных поединках пятерых противников, включая Леньку.

Потом повезло набрать необходимое количество баллов на хэдхантерских тестах.

Да, пока ему везло. Но везение должно быть полным, иначе оно и не везение вовсе. Иначе все предыдущие достижения обернутся таки-и-им разочарованием!

Информационный выпуск закончился. Пошли анонсы вечерних программ. Народ в приемной оживился, на время забыв о предстоящем собеседовании. Что ни говори, а рекламу сейчас умели делать увлекательной.

На экране замелькали нарезки кадров из очередного группового трес-файтинга. Именно так в наш просвещенный и циничный век официально называют гладиаторские бои. Вот уж где мочат друг друга по-настоящему! Вот где режут на куски и рубятся в капусту. У гладиаторов свой конкурс, жесткий и бескомпромиссный. Конкурс на выживание, а не на замещение вакантной должности в заезжей хэдхантерской команде.

После грамотно составленного клипа боевки пошла панорама колизея. Одного из многих, понастроенных в последнее время в крупных процветающих городах, через которые проходит трес-трафик. М-да, колизей... Это слово больше не пишется с большой буквы. Колизеев теперь слишком много. Колизей теперь стал понятием нарицательным.

Огромный ревущий стадион, стилизованный под древние амфитеатры, но оборудованный иначе. Высокие надстройки трибун. VIP-зона в первых рядах. Дорогуший фастфуд, попкорн и напитки вразнос, окошки экспресс-тотализаторов. Просторная овальная арена, присыпанная песком. Двойное ограждение из прочного прозрачного пластика и стальных решеток. Застывшие фигуры охранников в черной форме. Туго натянутая металлическая сетка над ареной. На сетке –

видеокамеры. Над секторами трибун – гигантские мониторы, куда передается изображение, так, чтобы происходящее на арене можно было видеть во всех подробностях даже с самых дальних рядов.

На таком стадиончике в футбол уже не погоняешь. Но кого в наше время интересует футбол?! Кому он нужен, этот футбол, когда тресы убивают друг друга на потеху публике? Организаторы шоу свое дело знали. И человеческую натуру тоже изучили досконально. На кровавое зрелище подсаживаешься, как на наркотик. Смотришь на экран, не отрываясь. Мечтаешь увидеть бои вживую, забывая о цене входного билета и о том, во сколько обходится каждый убитый трес.

Борис засмотрелся. Вот камера снова дает приближение. Кровавая игра между двумя командами смертников в самом разгаре. Вместо футбольного поля с зеленой травкой – арена с песком и кровью. Вместо спортивной формы – широкие трес-ошейники особой «гладиаторской» конструкции и нелепые пластиковые доспехи. Вместо кожаного мяча – мечи. И копья. И иное оружие. Специальные агентства проводят целые маркетинговые исследования, стараясь предугадать, как будет модно умертвлять гладиаторов в новом сезоне, какая смерть стоит дороже и за какие способы публичного кровопускания зрители охотнее выложат денежки.

Крупный план...

Скупые кадры боев. Трупы, кровь, выпущенные кишки и рассеченное мясо закрывают расплывчатые квадратики.

Цензура и замануха в одном флаконе. Желаете смотреть специально отобранные рекламно-ознакомительные фрагменты трес-файтинга без купюр – включайте телевизор в указанное время. Хотите увидеть полную версию боев – подключайтесь к платному каналу. Увы, для Хуторов это – непозволительная роскошь. Платными каналами могут баловать себя только горожане, да и то, наверное, не все.

– Щербатов! – раздался хриплый прокуренный голос.

Возле кабинета, отведенного для собеседования, стоял долговязый хэд. Дверь кабинета была открыта.

В противоположном углу приемной поднялся Гошка Щерба – рябой детина нескладный на вид, но очень шустрый в драке. Дверь за Гошкой закрылась.

Собеседование начиналось.

Спокойно! От лишнего волнения толку не будет. Борис заставил себя снова перевести взгляд на экран телевизора.

Шла реклама ночной программы. ТрЕски для секса... На которых можно смотреть и которых можно купить. Томная музыка, охи, ахи, вскрики... Телебардель гостеприимно распахивал свои двери для озабоченной и – главное – платежеспособной публики. Проституция теперь разрешена. В любых ее проявлениях. И в таких вот тоже. Легальная проституция нынче – выгодный бизнес и неисчерпаемый источник налоговых поступлений.

«Детям до четырнадцати смотреть не рекомендуется», – стыдливо предупреждала заставка. «14+» подмигивал в углу

экрана кокетливый значок. Тоже особая разновидность цензуры-заманухи.

Извивающиеся телочки в символических прозрачных одеяниях и изящных ошейниках с блестящими цепями, обмотанными вокруг аппетитных форм, были покорны, красивы и соблазнительны. Как всегда в рекламе. Цен, правда, в рекламных роликах не показывали. Кому охота раньше времени отпугивать потенциальных клиентов?

Однако даже такой видеоряд не мог полностью отвлечь от мыслей о предстоящем собеседовании. Борис нервничал. Поднявшись со стула, он сделал звук погромче. Никто не возражал.

Анонсы закончились. Начинались биржевые новости.

Под бойкую музыку прокрутилась новая заставка: графики, цифры...

– Здравствуйте, уважаемые телезрители...

На этот раз в студии сидел только один человек. Экономический обозреватель. Деловой костюм, очки, лысина, безупречная дикция. Ошейник под воротником. Цепь на ошейнике. Тоже трес... На телевидении их теперь используют практически повсеместно. Очень удобно. Во-первых, идет ненавязчивая пропаганда нового образа жизни. Во-вторых, тресы пашут без отдыха, что весьма ценно в ТВ-бизнесе. А в-третьих и в-главных, даже популярным ведущим больше не надо платить баснословных гонораров. Наоборот, можно нехило зарабатывать, сдавая известных медиа-персон в

аренду. Для самых разных целей. Или продавая за двойную-тройную цену.

Борис глянул на бегущую строку. Экономический обозреватель тоже стоил прилично, но все же гораздо дешевле грудастой блондинки из информационной службы. Мозги телевизионщиков котировались не так высоко, как эффектная внешность и большие сиськи.

– Во всех секторах трес-рынка продолжается положительное ралли, которое можно оценивать двояко... – бодро затараторил ведущий. На экране за его спиной появилось несколько ломанных зеленых линий, уходящих вверх.

Борис слушал вполуха, стараясь отвлечься от томительного ожидания. Вот если удастся пройти конкурс и влиться в хэдхантерскую команду, тогда, возможно, новости трес-рынка станут его любимой передачей. А пока...

– Стремительно растущий спрос на трудовые ресурсы... – выцепил Борис из словесного потока. – Явственно ощущаемый трес-дефицит...

Вообще-то, все верно говорит лысый. Спрос – растет, дефицит – ощущается. Рабы сегодня в цене. Пардон – тресы. Трудовые ресурсы... Называть вещи своими именами пока не рекомендовалось. И даже осуждалось. И даже вроде бы где-то как-то преследовалось. Хотя чем дальше – тем меньше. Общество удивительно быстро привыкало к новому порядку вещей.

Новому старому. Очень старому.

Но обновленному до неузнаваемости.

– На фоне остаточных посткризисных явлений, падения основных мировых валют, проседания сырьевых рынков и нестабильности финансового сектора, уверенный рост трес-сегмента выглядит особенно эффектно, – доносилось из динамиков телевизора. – Инвесторы уходят из нефтянки, банков, промышленных металлов и телекомов в акции трес-компаний и хэдхантерских фирм. Продолжается перетекание капитала из золота и металлических счетов в трес-фьючерсы...

Да, общество привыкло. Но все же о том, что в стране кудряво цветет махровое рабство, пока стыдливо умалчивалось. С высоких трибун рабы именовались трудовыми ресурсами и никак иначе.

А впрочем, какая разница-то? Главное, что рабский труд поднимает развалившуюся экономику. Руки и мозги тресов оказались прекрасной заменой иссякшему потоку нефтедолларов. Страна заново обрастала жирком. Только уже жирком иной консистенции. Трес-индустрия бурно развивалась и, подобно мощному локомотиву, постепенно начинала вытягивать тех, кто успел перестроить бизнес под новые рельсы.

– Феноменальный рост вложений в серые и белые воротнички... Неудавшаяся спекулятивная игра на понижение... Отсутствие ощутимой отрицательной коррекции... Сплошная зеленая зона... Увеличение активности мелких и сред-

них игроков... Рекордные объемы торгов...

Экономический обозреватель заливался соловьем, словно сам был не тресом, а сторонним наблюдателем за биржевыми процессами.

– Еженедельный рост котировок составляет...

Цифра впечатляла.

– А в год?! – выдохнул кто-то в приемной. Борис усмехнулся. Значит, не он один прислушивался к экономическим новостям. – Это ж во сколько раз цены на тресов поднялись за год?! Сколько бабла умные люди срубили?!

Риторические вопросы, как водится, остался без ответа.

– Основная интрига... – все бубнил и бубнил телевизор. – На фоне передела трес-рынка... Волна слияний и поглощений... Неподтвержденные, но официально не опровергнутые слухи... Планы создания хэдхантерской госкорпорации... Изменение сложившихся правил игры... Неоспоримый монополист... Прямое участие госкапитала... Государственные интересы... Новые условия... Новые возможности...

Борис задумался. Государство, значит? Госкорпорация? Госкапитал? Государственные интересы?

Он усмехнулся. А что есть сейчас государство? По большому счету, государство сейчас – это жирующая столица, средоточие финансов, политических и экономических элит, управленцев всех мастей и неисчислимой армии obsługi. Столица, которая поглощает трудовые ресурсы в немереных

количествах, и которая особенно нуждается в стабильной трес-подпитке.

Конечно, другие уцелевшие в кризисной лихорадке города – в основном крупные областные и краевые центры, вроде Ставродара – тоже полностью зависят от трес-трафика. Однако их потребности в тресах не идут ни в какое сравнение со столичными запросами. Не удивительно, что дефицит трудовых ресурсов больше всего бьет именно по столице и заставляет шевелиться тамошних деятелей, привыкших отождествлять себя с государством.

Слухи о появлении на трес-рынке хэдхантерской госкорпорации, способной контролировать большую его часть, если не весь рынок целиком, ходили уже давно. С тех самых пор, как трудовые ресурсы были признаны стратегическим запасом. И когда впервые заговорили о том, что запас этот имеет свойство заканчиваться быстрее, чем пополняться. Вроде бы даже уже утвердили трехцветную эмблему для федеральных хэдов. Триколор должен был заменить обычные черно-белые нашивки охотников за головами.

Вот только пока непонятно было, как, на каких условиях и главное когда будет создаваться новый монополист. Для этого требовалась длительная и кропотливая бюрократическая работа. Следовало учесть интересы разных групп и кланов, приближенных к власти и желающих урвать свою долю с перспективного трес-рынка. Зато уж когда хэдхантерская госкорпорация развернется во всю мощь...

Интересно, как все тогда изменится? Конкуренции почти не станет – это факт. А цены? Взлетят ли цены на тресов еще выше или будет введен госконтроль, сдерживающий рынок при наличии нарастающего дефицита? Или все будет решать госзаказ и госраспределение? И по какому принципу будут отбираться хэдхантерские конторы, которые могут стать региональными филиалами? Светит ли что-нибудь группе, в которую так рвется Борис? Впрочем, об этом пока лучше не задумываться. Думать надо о другом. Сегодня появился шанс вырваться из осточетевшего Хутора. Все, что будет после, не может быть хуже, чем просто остаться здесь.

Открылась дверь кабинета. Вышел Щерба. Вывели, вернее. Сопровождавший его долговязый хэд, передал Щербу кому-то из хэдов, ожидавших в коридоре. Сам вернулся в приемную. Все произошло быстро и молча. Впрочем, никаких слов и не требовалось. По лицу Щербы гуляла глуповатая счастливая улыбка. Повезло, выходит. Прошел, Гошка. Стал-таки новобранцем, мать его! Счастливчик...

Но если одно вакантное место уже занято, значит, у остальных кандидатов шансов остается меньше.

Прозвучала чья-то фамилия. Борис дернулся, было. Но нет, звали не его. Поднялся белобрысый бугай, сидевший рядом. Васька Крыс. Сильно выступающие передние зубы, за которые Васька получил свое прозвище, были выбиты в отборочных боях.

Дверь за вторым претендентом на хэдхантерский каму-

фляж закрылась.

Борис снова повернулся к телевизору. Шейные позвонки без малого не скрипели. Мышцы задеревенели. Мозги сообщали плохо. Слова из динамиков пролетали мимо ушей. В таком состоянии он, наверное, завалил бы любой тест.

– Прогнозы самые оптимистические... Все опрошенные нами эксперты на удивление единодушны... Рекомендация одна: покупать... Дальнейший рост трес-рынка ожидается как в ближайшее время, так и в долгосрочной перспективе...

Лысенький обозреватель с ошейником над воротником все еще комментировал ситуацию, сложившуюся на бирже.

– Особенно сильно растут в цене бойцы трес-файтинга... Высокая ликвидность... Быстрый оборот...

Борис слушал. Старался слушать.

Время шло.

– Также отмечается повышенный спрос на молодых девушек с эффектными внешними данными и здоровых женщин детородного возраста... Специфика высокодоходной легальной секс-индустрии... Товар двойного назначения... Длительное интимное пользование... Преумножение капитала...

«Еще какое преумножение, – усмехнулся про себя Борис. Если трЕска родит, ребенок автоматически становится собственностью ее владельца».

– Говорят, после результативного рейда хэду положен трес-бонус, – прокашлялся кто-то. – Я бы себе телку взял...

– Фигня все это на постном масле, – тут же осадили мечтателя. – Слишком дорогое удовольствие. Трес на халяву – круто даже для хэдхантера. Может командир и обломится – остальные денежной премией обойдутся.

– А хоть бы и так! Хэдовскую премию на Хуторе за год не зарабатываешь.

И это было правдой.

– Инвесторы активно осваивают новый перспективный сегмент трес-рынка... – интриговал ведущий на телеэкране. – Малолетние и несовершеннолетние тресы, как выгодное долгосрочное вложение, привлекают внимание...

Чье именно внимание привлекают дети-тресы, Борис не дослушал. Снова открылась дверь. Из кабинета вышел Крыс, сияющий как начищенный сапог. Неужели и этого взяли? Хреново если так! Вакансии в хэдхантерской группе сокращались быстрее, чем предполагал Борис. Этак до него дело может и вовсе не дойти.

– Берестов!

Дошло! На этот раз прозвучала его фамилия. Борис вскочил на ноги. Ноги, как ни странно, держали твердо. Пока.

Глава 2

– Вас не смущает, что придется охотиться на людей?

Вопрос был неожиданным. Подобные вопросы не принято было задавать. Тем более вот так – в лоб. А уж от хэдхантера он ожидал услышать это меньше всего.

Очередное испытание?

– Не смущает, – отчеканил Борис, не отводя глаз от лица собеседника.

Лицо у хэда было спокойное, уверенное, с незапоминающимися чертами и шелушащейся обветренной кожей. Приветливая, но в то же время и холодная, как сталь на морозе улыбка. Синие, чуть навывкате, глаза. Ранняя седина в волосах. А может быть, и не ранняя: определять возраст по таким лицам непросто.

Командир охотников – невысокий и невзрачный. За его неброской внешностью и несуетливыми движениями чувствовалась скрытая сила. Этот человек возглавлял хэдхантерский взвод – не большое, но и не маленькое рейдовое подразделение, состоящее из отчаянного народца, каким не всякий сможет управлять.

Взводный сидел за широким столом с облезлой исцарапанной столешницей. Сильные жилистые руки лежали на раскрытом досье. «Мое» – Борис понял это сразу, однако виду не подал.

Хэдхантер, впрочем, на бумагу не смотрел. Он смотрел на кандидата.

На правом рукаве взводного скалился «хэд»: черный чеп за белой решеткой. Стандартная хэдхантерская нашивка-эмблема, давшая название и самим охотникам. Погон и других знаков различия хэды не носили. Они им были ни к чему. Охотники на людей, как правило, действуют небольшими мобильными группами и знают своих командиров в лицо.

– А почему, Борис Евгеньевич? – человек за столом склонил голову к плечу. – Почему вас это не смущает?

– Ну... – Борис растерялся еще больше. Он не зная, что отвечать и как отвечать. Не знал, что будет правильно и как будет правильно в данной ситуации. – Речь ведь идет об отлове неграждан... *диких*, которые мало отличаются от зверей, и...

– И? – улыбнулся ему уголками рта хэдхантер.

– Ну и о пополнении трудовых ресурсов, без которых... без которых...

Без которых все развалится к четрым окончательно и бесповоротно.

– Ну, вы же сами знаете...

Конечно, не можете не знать.

Борис чувствовал себя преглупо, озвучивая прописные истины – не то чтобы очень старые, но уже успевшие набить оскомину.

Собеседник, чуть прикрыв глаза, кивал со слабой улыбкой. Соглашался? Одобрял? Подбадривал?

Или вообще его не слушал?

— Короче, диким — одна дорога — в тресы, — отрезал Борис. — А тресы — они ведь...

— Рабы, — неожиданно вставил собеседник.

Закрытые веки распахнулись. Синие глаза смотрели на Бориса в упор. Глаза дырявили его насквозь.

— Что? — Борис насторожился. Он был сбит с толку и совершенно не представлял, как продолжать этот странный разговор.

— Давайте начистоту, Борис Евгеньевич. Благо, сейчас нас никто не слышит.

Никто? Вообще-то поручиться за это Борис не мог. Что мешало охотникам утыкать кабинет жучками?

Но зачем? Провокация? Еще одна проверка?

Борис недоумевал. Человек сидевший напротив, произносил вслух слова, которые попросту не положено произносить хэду:

— В стране узаконено старое доброе рабство, хотя об этом и не говорится прямо. И основа нашего рабовладельческого строя, построенного на новый лад — не президент, не правительство, не дума, и даже не трес-торгаши. Основа его — мы, поставщики живого товара. Мы находим товар, и мы везем его на рынок. И, по большому счету, именно мы первые ломаем свободного человека, превращая его в раба. Потом-то

все идет проще и легче...

Борис помалкивал и слушал. Охотник говорил, не отводя от него взгляда. Глаза хэда не моргали.

– Работа хэдхантера – денежная. Потому что грязная. Или наоборот. Грязная, потому что денежная. Что, собственно, не важно.

Борис слушал дальше.

– А еще наша работа опасная. Дикие имеют дурную привычку сопротивляться. В прошлом рейде мы потеряли несколько человек.

Ага, вот, значит, как появляются в группе свободные вакансии.

– Какие потери будут в этом рейде – не знает никто, – продолжал хэд таким тоном, словно рассуждал о прогнозе погоды на завтрашний день. – Но любые потери оправдываются. Так происходит всегда.

Он сделал паузу, улыбнулся:

– Я могу сказать одно. Перемазанными деньгами, грязью и кровью будут все участники рейда. Чистеньких не останется. Но мне нужно знать заранее, какие люди будут работать в моей команде. И на что эти люди будут способны. А то иногда, знаете ли, находятся еще такие реликты, из которых в самый неподходящий момент вдруг начинает переть чистоплюйство. Это доставляет проблемы.

– Я понимаю, – заверил Борис.

– А я хочу понять, нет ли у вас внутреннего неприятия к

подобной работе.

Вообще-то, насколько понимал Борис, выявлять подобные проблемы и разбираться со скрытыми комплексами – задача психологов. А психологические тесты он, вроде бы, прошел. И, вроде бы, успешно.

– Почему вы хотите присоединиться к нам? – все сверлил и сверлил его глазами хэд. – Чем вас привлекает хэдхантерская работа? Насколько сильна ваша мотивация? Как далеко вы можете пойти?

Борис вздохнул. Сколько раз ему уже приходилось отвечать на эти вопросы во время тестирования! Что ж, видимо, нужно ответить снова. И ответить так, чтобы отпала необходимость спрашивать об этом впредь.

– Тресы – всего лишь тресы, – твердо сказал он. – Меня они волнуют мало. А ваша группа – единственная возможность вырваться с Хутора. Это если уж начистоту. Как вы хотели.

– Продолжайте, – кивнул собеседник.

Борис продолжил.

– Что ждет меня здесь, на Хуторе? Работа во внешней охране, копеечная зарплата и полное отсутствие перспектив? Выше начальника охраны все равно не поднимусь. А вот успею ли? Хутор стоит на отшибе и нищает с каждым месяцем. Денег на приобретение новых ра... тресов нет. Старыедохнут как мухи. А когда работу тресов выполняют свободные граждане, которым нужно платить, себестоимость про-

изведенной продукции многократно возрастает. К тому же значительная часть хуторского бюджета уходит на патрулирование территории, укрепление заграждений, закупку оружия и боеприпасов. На этом у нас здесь экономить нельзя: дикие слишком близко. Плюс расходы на транспортировку сельхозпродукции, плюс охрана в пути. До крупных поселков и торговых путей отсюда далеко, а места вокруг – опасные. В общем, торговли – никакой. Конкурировать с процветающими пригородными Хуторами, где полно тресов, мы не в состоянии и уже сейчас продаем урожай себе в убыток. А что будет через полгода? Через год? Через два? Через пять лет?

Слова рвались сами. Слова были искренними и выстраданными. Отчего-то хотелось излить душу этому совершенно незнакомому человеку в пятнистой хэдхантерской форме и с внимательными понимающими глазами.

– Что мне останется, когда Хутор загнется? Бежать к диким? Или идти в тресы? Сами знаете: у безработного теперь только два пути.

– Знаю, – снова кивнул хэд.

– Здесь меня ничего не держит, – Борис с удивлением обнаружил, что остановить откровения оказалось не так-то просто. – Родных нет. Имущество... Оно на Хуторе стоит копейки и обесценивается с каждым месяцем.

– Друзья? – прищурился охотник. – Товарищи?

Борис усмехнулся. Он вспомнил Ленку.

– Вы видели, как за право носить хэдхантерскую нашивку мы мочалили друг друга на отборочных боях.

– Вы хороший боец, – помолчав немного, произнес хэд. – Но этого мало. Мне нужны люди без моральных комплексов, люди, готовые на все. Хлюпики-гуманисты мне не нужны. К какой категории вы относитесь, Борис Евгеньевич?

Его вновь изучали пытливые пронзительные глаза.

– Ради того, чтобы попасть в вашу группу я сегодня избил до полусмерти единственного человека, которого мог бы называть другом. К какой категории вы бы меня отнесли сами?

– Вообще-то этот человек то же самое пытался проделать с вами, – заметил хэдхантер. – Если бы его не избили вы, он избил бы вас. А вот готовы ли вы убить его ради работы у нас? Или нет, не так. Готовы ли отправить его в тресы?

Ах, вот как ставится вопрос... Вообще-то Борис не был уверен в том, что он готов к такому. Но...

– Мне нужна эта работа, – сказал он, исподлобья глядя на собеседника.

Больше ничего добавлять к сказанному Борис не стал. Что тут добавишь?

– Вы когда-нибудь имели дело с тресами? – хэд неожиданно сменил тему разговора. – Охраняли их? Сопровождали?

Собеседник лениво перелистывал странички в досье Бориса. Ответы на заданные вопросы там, конечно же, имелись, и обманывать хэдхантера не было смысла. Надо отвечать честно.

– Нет, – помрачнел Борис. – Я служу в патрульной группе. Хуторской пограничный контроль. Моя задача – охрана внешнего периметра от нападений диких. Иногда сопровождаю товары до передвижной базы перекупщиков или транзитного каравана межрайонных военизированных транспортных компаний. Тресов вижу только издали – работающими на полях. Дважды участвовал в облавах.

– Облавы? – заинтересовался хэдхантер.

– Да. Искали сбежавших. Один раз поймали и вернули. Наказали.

– Вы?

– Что?

– Вы поймали, вернули и наказали?

– Нет, – совсем сник Борис. – Повезло другой группе. Премия в размере оклада...

Ловец-хэд задумался. Его пальцы еще листали досье, но глаза уже рассеяно смотрели куда-то за спину Борису. На дверь. Куда же еще? Ничего кроме стены, двери и молчаливой долговязой фигуры то ли адъютанта, то ли охранника сзади не было.

Сейчас поблагодарят за потраченное время, приложенные усилия и приятное знакомство, посетуют, что «к сожалению, вы нам пока не подходите, Борис Евгеньевич, но ваше резюме обязательно останется в нашей базе данных и как только... так сразу...» Потом вежливо попрощаются. Вышвырнут. Забудут. Уедут с другими счастливыми-новобранцами.

ми.

И все – напрасно. И снова они с Ленькой станут почти-корешками. Общие неудачи, как правило, объединяют и побуждают забыть былые обиды.

Борис почувствовал злость. Интересно, чем те двое, что заходили в этот кабинет раньше него, оказались лучше? Почему выбрали их?

Ну да, конечно! Щерба – из службы трес-охраны. А тот, второй, белобрысый Крыс... Кажется, он входил в облавную группу, вернувшую беглых тресов. Оба обладали неоспоримыми преимуществами. Он же...

– Я вам не подхожу? – Борис смотрел на хэда в упор.

Командир охотников тоже уперся в него долгим бесстрастным взглядом. Хэдхантер чуть прищурился. И не понять, о чем думает. Странное у них пошло собеседование. Без слов.

Секунды уходили одна за другой. Дурацкая, никчемная игра в глядели!

– Если я не подхожу, так и скажите, – не выдержал Борис. Чего молчать-то? Зачем зря тянуть жилы и время?

Охотник пожал плечами:

– Чего вы хотите, Борис Евгеньевич?

– От вас – уже ничего.

Потому что вряд ли вас все еще интересует неперспективная кандидатура.

– Чего вы хотите от этой жизни?

Борис усмехнулся.

– Разве я не ясно выразился? Хочу вырваться из этой дыры, – он мотнул головой в сторону окна. Окно в кабинете, как и в приемной, было открыто нараспашку, и слабый ветерок поигрывал грязными занавесками.

Вновь повисла тягостная пауза. От него ждут более развернутого ответа? Ладно...

– Хочу пожить по-человечески, – зло выплюнул Борис. – Хочу перебраться из Хутора в большой и богатый город. Хочу побывать в коллизее и увидеть живую гладиаторские бои. Хочу сам владеть тресами, а не вздрагивать от мысли о том, что когда-нибудь окажусь в их числе. Разве я многого хочу?

– Вообще-то немало, – криво усмехнулся взводный хэдов. – Не всякий этого достоин.

Борису захотелось его убить. Прямо здесь, прямо сейчас. Но нельзя. Убийство хэдхантера – тягчайшее из преступлений.

Вся экономика страны держится на рабском труде и покушение на того, кто поставляет рабов, расценивается как покушение на основу основ действующего строя. За такое сразу, без суда и следствия, отправляют в тресы. Безрадостная альтернатива смертной казни. В условиях нарастающего дефицита трудовых ресурсов преступников не умерщвляют, им находят более разумное применение.

Пауза затягивалась. С лица хэдхантера не сходило насмешливое выражение. Все ясно. Работодатели с такими ли-

цами не подписывают контракты. Ловить здесь больше нечего, а унижаться не хотелось.

Борис чувствовал себя паршивее некуда. Так бывает всегда, когда изольешь душу тому, кому на самом деле нет до тебя никакого дела. И когда рассыпаются в ничто радужные надежды.

– Всего хорошего, – процедил Борис. – Удачной охоты...
Мать твою через колено!

Он поднялся со стула. Повернулся к двери. Стараясь не сутулиться, прошел мимо застывшей у косяка долговязой фигуры в пятнистой форме. Мысленно матерясь, потянулся к ручке. Ладно, кому-то ведь надо защищать Хуторские поля от набегов диких. Пока Хутор не загнулся окончательно. Ну а потом...

– Стоять!

На этот раз голос взводного, оставшегося сидеть за столом, был строг и сух. И без всяких там нарочито-вежливых «вы».

Ну и к чему бы это?

Борис остановился. Обернулся.

На столе, рядом с его досье, лежали две стопки листов, испещренных мелким текстом и прошитых по краю. На месте сшивок стояла печать. Та самая, с черепушкой-«хэдом».

Контракт?! Во рту пересохло...

– Считай, что конкурс ты прошел, Берестов. – С ним окончательно перешли на «ты». – Садись. Читай договор. Подпи-

шесть здесь и здесь.

Словно во сне он вернулся к столу и сел на прежнее место. Начал листать бумаги. Заставил себя вчитаться.

Это был стандартный типовой договор. Только не на охрану внешнего периметра, а рейдовый. С уже проставленными печатями и подписями работодателя. Права, обязанности сторон. Все, как обычно – по шаблону. Условия... Ну, может быть и не фонтан для опытных городских хэдхантеров. Но для новичка, тем более, для новичка из Хутора! О такой зарплате и таких бонусах Борис даже не смел мечтать.

– Отличишься в рейде – переберешься в город, увидишь гладиаторские бои и обзаведешься личным тресом, – это я тебе обещаю, – ободряюще улыбнулся ему хэдхантер.

Борис прикинул. В принципе да... Если рейд окажется удачным и если он сумеет набрать нужное количество баллов, указанной в договоре зарплаты и бонусов вполне может хватить на какого-нибудь дешевенького старенького треса. В общем-то, совсем неплохо для начала.

Хэд протянул ему ручку. Борис взял.

– Можно... – с трудом выдавил он. – Один вопрос можно?

– Спрашивай.

– У вас в группе три вакансии. Двоих вы уже приняли. Если я буду третьим... Значит, больше никто?

Дурацкий, в общем-то, вопрос, но почему-то очень хотелось получить на него ответ.

Хэдхантер хмыкнул:

– Думаю, возьмем кого-нибудь еще. Сейчас толковые охотники мне нужны как никогда.

– Мы ведь еще не охотники, – осторожно заметил Борис.

– Не велика беда. Этому быстро учатся. Те, кто хочет учиться. Кто не хочет – того убивают дикие. Одна-две операции – и опыт придет. Мы еще сделаем из вас первоклассных хэдхантеров.

Борис поставил свою подпись на контракте и осторожно спросил снова:

– А почему вдруг возникла такая потребность в охотниках?

Взводный усмехнулся:

– У нас с тобой откровенный разговор, так?

Борис кивнул.

– Скоро всех частников прижмут к ногтю.

– Госкорпорация? – догадался Борис.

– Соображаешь, – похвалил взводный. – Этот монстр быстро подомнет под себя рынок. Но монстры не возникают из ничего. Любому монополисту нужны опытные спецы. Новая корпорация будет создаваться на базе самых рейтинговых хэдхантерских агентств. Чьи рейды окажутся результативнее, а улов – жирнее – те попадут под государево крылышко и смогут рассчитывать на работу, заказы, зарплаты и бонусы. Все прочие останутся не у дел.

Многие уже сейчас пытаются застолбить за собой теплое местечко. Но далеко не всем это удастся. Расклад такой:

крупные столичные игроки не хотят пускать к госкормушке регионалов, но у нас больше баз, разведанных охотничьих территорий и опыта. И больше шансов за короткое время поднять рейтинг. Если влезем в корпорацию – будем в шоколаде. Нет – придется барахтаться в дерьме. Сейчас судьба хэдхантерских групп решается так же, как вы решали свою в отборочных поединках. В общем, нужны тресы. Много тресов. А значит, нужны люди, способные их добыть. Теперь тебе все ясно?

Борис кивнул. Да, теперь ему было ясно все.

Взводный улыбнулся. Чуть приподнявшись, протянул через стол руку.

– Стольник, – сказал он.

Борис недоуменно пожал протянутую руку.

– Лейтенант Стольников, – пояснил охотник. – Для своих – просто Стольник.

«Это он так знакомится», – сообразил, наконец, Борис.

– Добро пожаловать в хэдхантеры, рядовой Берестов.

На три вакансии в их Хуторе взяли девятерых человек. Пролетел только один. Димка Лысый. Димка успешно прошел отборочные бои и тесты, но серьезно повредил руку, а брать в свои ряды калеку хэды не хотели.

Столько зависти и ненависти, сколько было в Димкиных глазах, Борис никогда не видел. Даже в глазах тресов.

Глава 3

Форму, оружие и снаряжение новобранцам выдавал сержант, имени и фамилии которого Борису узнать так и не удалось. Хэд носил прозвище Ухо, и иначе никто в группе его не называл.

У сержанта отсутствовало правое ухо, которое срезало то ли осколком, то ли ножом. Помимо недостающего уха, охотник имел еще одну характерную примету: маньячную какую-то улыбку, практически не сходявшую с обветренных губ. Нервное, судя по всему... С непривычки оторопь брала от такой ухмылочки.

Насколько успел понять Борис, сержант, компенсирующий отсутствие уха, колоритным прозвищем, являлся в группе правой рукой Стольника.

Выдача обмундирования проходила возле огромного как барак камуфлированного хэдхантерского фургона, перед которым был выставлен широкий раскладной стол.

– Берестов! – хрипло рывкнул Ухо, подняв глаза от списка новобранцев. Голос сержанта был столь же неприятен, как и приклеенная к губам кривая ухмылочка.

– Здесь! – шагнул к столу Борис.

Ему улыбнулись еще шире – приветливой крокодильей улыбкой.

– Принимай снарягу, Берест!

Ну вот и кликуха образовалась. Ладно, хрен с ним. Не обидная кликуха-то.

Безухий сержант бросил на стол комплект пятнистой формы. Форма оказалась на размер больше, но Бориса это не слишком расстроило. Лишь бы не жало, остальное – ерунда. подтянем, подгоним.

Рядом легла плоская и тоже пятнистая – под цвет формы – сумка с противогоазом. Еще – армейский бинокль в футляре. Пара миниатюрных диодных фонариков в противоударном влагозащищенном корпусе – не очень мощных, но очень экономичных, что гораздо важнее, когда под боком нет лавочки, торгующей батарейками и аккумуляторами.

Возле фонариков сержант положил связку легких, но прочных пластиковых наручников. Широкие браслеты, армированные впаянной в пластик стальными обручами, замки-защелки и короткие – в три звена – цепочки.

– Это – для дичи, – кивнул на наручники Ухо.

Понятное дело. И для какой дичи – тоже понятно.

– У каждого комплекта – свой ключ. Твои наручники никто кроме тебя разомкнуть не сможет, – пояснил сержант. – А ты не сможешь снять с дикого чужие наручники. У каждого – своя добыча. Ясно?

Не совсем, вообще-то, но...

Борис кивнул.

Сержант выложил стандартная мини-аптечку с красным крестом. И еще одну – с зеленым.

– Тоже для диких. Шприцы, снотворное, успокоительное, набор парализаторов. С этим разберешься сам. Ничего сложного. Инструкция прилагается.

Борис пожал плечами. Разберется – какие проблемы?

Сержант бросил на стол легкий бронник, поставил сверху каску-сферу со шлемофоном и прозрачным противоударным забралом, чем-то похожую на отрубленную голову робота.

И бронежилет, и каска были непозволительной роскошью для нищей хуторской охраны. Однако, заметив алчный огонек в глазах Бориса, Ухо скривился:

– Ты того, салага... носить броню носи, конечно, но не очень на нее надейся. От ножа и берданки она защитит, а вот под автоматную очередь лучше не попадать.

– У диких еще есть автоматы? – удивился Борис. Их Хутор из автоматического оружия не обстреливали уже давненько. Впрочем, и на самом Хуторе с хорошими стволами и боеприпасами ощущалась напряженка.

– Кое у кого есть, – вздохнул сержант. – Старые убитые калашы, но вполне еще боеспособные. И эти твари до сих пор умудряются где-то откапывать патроны к ним.

Вообще-то, когда цивилизация уходила с ныне диких территорий, оружие и боеприпасы либо вывозилось, либо уничтожалось на месте. Но, видимо, во время кризистного и посткризисного хаоса вывезти и уничтожить все не удалось.

– Гляди...

Ухо ткнул толстым заскорузрым пальцем в темное пятно на матерчатой обшивке бронежилета. Такие пятна остаются от плохо отстиранной крови. В центре пятна Борис разглядел грубо заштопанную дырку.

– Сюда вошла пуля, – объяснил сержант. – Пробитую пластину в броннике заменили, а пацану – хана.

«Скверная хана была пацану», – отметил про себя Борис. Пуля попала в живот. Все кишки, наверное, разворотила, на фиг.

– Стольник говорил уже, сколько людей мы потеряли в прошлом рейде? – спросил Ухо.

Борис промолчал. Вообще-то, конкретной цифры ему не называли. Да, честно говоря, и узнавать ее не особенно хотелось.

– Че нахмурился? – пробасил Ухо. – Да ты не бойсь, салага. Ну, не повезло парням. Зато остальным больше досталось. Знаешь, сколько нам бабла за тресов тогда отвалили? Мама не горюй! Полгода можно жить. Если скромно.

Он вздохнул:

– Правда, скромно у нас никто не привык. Корче, смотри и слушай дальше.

Дальше были гранаты. Два небольших подсумка. Красный и зеленый. Первым Ухо открыл красный.

– Эти вот орешки – боевые.

Ухо вынул пару небольших округлых металлических болванок, действительно, похожих на крупные грецкие орехи.

Рифленая поверхность, выступающий торец запала, скоба, кольцо, красная полоска-метка.

– Осколочные. На крайний случай. На самый крайний. Используется только по специальному разрешению командира группы. Стольник, кстати, такого разрешения еще не давал не разу. От осколков слишком много жертв. Этого нам не нужно. Дикие, как ты понимаешь, нужны живыми и здоровыми, а не нашпигованные железом.

Сержант вложил гранаты обратно в подсумок.

Борис кивнул. Эти гранаты были ему знакомы.

– Вот тоже боевая, – теперь сержант держал в руках массивный цилиндр с красной меткой. – Фугаска-липучка...

Цилиндр топорщился небольшими короткими шипами, выступающими между толстых пальцев Уха. При ближайшем рассмотрении шипы оказались пустотелыми трубками. Что-то новенькое. Гранат такой странной конструкции Борис еще не видел.

– Осколков почти не дает, но двери вышибает на раз и стены проламывает влегкую, – просвещал сержант.

– А почему липучка? – спросил Борис.

– Объясняю, – Ухо поднес шипастый цилиндр к лицу Бориса. – Через полсекунды после того, как выдернуто кольцо и отпущена предохранительная скоба из этих вот отверстий, – сержант указал на шипы-трубки, – выплескивается клейкая пена. Благодаря ей фугаска прилипает к любой поверхности: дерево, бетон, кирпич, пластик, металл. Ее мож-

но швырять, а можно просто лепить как мину. Взрыв – через три секунды после активизации встроенного пено-баллона. В кладке толщиной в три-четыре кирпича или стандартной бетонной плите гарантировано пробивает полутораметровую дыру. Металлические двери выносит вместе с косяками. Незаменимое средство для проникновения в укрытия диких. Только учти: если такая штука случайно прилипнет к рукам и рванет... Самого, короче, распылит на хрен!

Сержант раскрыл второй подсумок цвета молодой травы. Вынул одну за другой еще три гранаты. Внешне они отличались от боевых осколочных только зеленой полосой по центру.

– Газовые, – коротко ввел в курс дела Ухо. – Слезоточка. Газ тяжелее воздуха. Идет понизу. Проникает во все дыра и норы.

Борис кивнул.

– Но такими гранатами, пока противогаз не наденешь, лучше не пользоваться. А то, знаешь, всякое бывает. Ветер переменится, дунет в твою сторону – сам в соплях захлебнешься. И это... прежде чем газы применять – проверь, чтобы свои, кто рядом, тоже резину на морду натянуть успели. Понял?

Борис кивнул снова.

– Ну а это вот, салага, твой главный рабочий инструмент. Об исцарапанную столешницу грохнул автомат. Бесмертный, в который уже раз модернизированный калаш.

Новая модель, специально разработанная, для хэдхантерских групп. Облегченный, укороченный, с двойным питанием. Под цевьем – пистолетная рукоять с газовым баллоном. Под стволом – трубка пневматического ампуломета.

Рядом с автоматом лежали два рожка. Один – узкий, длинный – в красную полоску...

– Этот – под стандартный боевой патрон, – комментировал Ухо.

Второй – широкий, короткий – с зелеными метками.

– А этот – для парализующих шприц-ампул.

Оба магазина были пусты.

– Красный вставляешь сюда, как обычно. Зеленый цепляешь здесь, к подствольнику.

Щелк, щелк...

Ловкие пальцы сержанта в одну секунду присоединили рожки.

Из такого оружия Борису стрелять не приходилось.

– Не ссы – разберешься, – хмыкнул Ухо. – Тут все как в обычном калаше. Только вместо подствольного гранатомета – ампуломет. Ну и еще двойная прицельная планка. Красные метки – для боевой стрельбы. Зеленые – для стрельбы из ампуломета. Если дикий вооружен и огрызается, если близко к нему не подойти и живьем не взять, мочи боевыми. Во всех остальных случаях используй парализатор. Только учти, салага: шприц-ампула – это не пуля. Бьет слабенько. Летит недалеко. Прицельная дальность хорошо, если полсот-

ни метров будет. И то – не гарантировано.

Сержант ткнул пальцем в покоцанную столешницу:

– Вот этой доски шприц не пробьет, даже если стрелять в упор. Да что там доска! Двойное стекло в окне – уже проблема.

Борис удивленно поднял брови.

– А по-другому нельзя, – развел руками сержант. – Иначе товар можно попортить.

Товаром он называет диких, понял Борис. Ну да, живой товар... Выпущенная из подствольника капсула с парализатором покалечить его не должна.

– Шприц-ампулы годятся только для отстрела безоружной дичи или для внезапной атаки с близкого расстояния. Ампуломет стреляет только одиночными, не очередями, так что лупить нужно наверняка.

Подумав немного, Ухо добавил:

– По глазам не целься. И шприцы зря не расстреливай. Они дорогие, а у нас строгий индивидуальный учет. За перерасход ампул штрафуют не по-детски.

– Экономите, значит? – усмехнулся Борис.

– Экономим, – кивнул сержант. – А зачем зря боеприпасы тратить? Одного попадания хватает, чтобы свалить с ног любого бугая. В каждом шприце – лошадиная доза парализатора. Вырубает человека мгновенно. И не важно – хоть в лоб, хоть в жопу, хоть в палец засадишь. Смесь проверенная, двойного действия: болевой шок и частичный паралич.

– Частичный – это как? – удивился Борис.

– Парализуются только определенные группы мышц. Человек полностью теряет двигательную активность, но дыхательные функции и сердцебиение остаются в норме. Короче, около часа клиент лежит трупом, не доставляя никаких проблем, но при этом – жив-живехонек. Можно спокойно тащить его в тресовозку.

– А если за час не дотащишь? – спросил Борис. – Если очухается?

– Обычно дотаскивают, – заверил сержант.

– Обычно – значит не всегда?

– Вот ты грузила, а Берест! А комплект наручников тебе на что? В крайнем случае – добавишь дозу из аптечки. Там препараты старые, дешевле, чем парализатор для шприцов, но человека еще на несколько часов вырубят. Убойные спецконцентраты. Только это... Условно щадящие.

– В смысле – условно? – не понял Борис.

– В том смысле, что слабенькие дикие, бывает, от них копыта отбрасывают, – ответил Ухо. – Но на тресах-слабачках много не заработаешь, так что на этот счет не парься. Если надо – вкалывай сколько нужно, потом разберемся. Пока запомни главное: красное – это леталка... летальное то есть оружие, боевое, которое на крайняк. Зеленое – ненелеталка. Магазины, гранаты – всё. Не перепутай.

Борис усмехнулся.

– А ты не лыбся, не лыбся, – недовольно поморщился

Ухо. – Оно-то конечно, помечено для дураков, а Стольник в группу таких не берет, но на охоте всякое случается. Как прижмет по-настоящему – и умные дуреют. Особенно такие как ты, салаги необстрелянные. Так что тут все по делу подкрашено. Да, кстати, вот еще что...

Ухо вынул из нагрудного кармана и положил рядом с автоматом маленький маркер. Сквозь прозрачный колпачок виднелся тонкий, как игла стержень.

– А это для чего? – удивился Борис.

– Добычу метить.

– Как? Крестики на лбу ставить?

– Не на лбу. Проставишь на наручниках и шприц-ампулах свои инициалы или какой-нибудь приметный знак. Займись сразу. Очень рекомендую. Так у нас все делают.

– Зачем?

– А чтобы непонятно потом не возникало. Чтобы видно было, кто какого дикого подстрелил. За каждого подстреленного начисляется индивидуальный трес-балл. После рейда по баллам рассчитывается, кто сколько заработал.

Справедливо. Вот только...

– А если в одного дикого сразу два или три хэда шприцы всадят? – спросил Борис. – Тогда как?

– Чтоб совсем сразу – так не бывает. Бывает по очереди. Но трес-балл по любому получает первый из попавших.

– И как вы определяете самого первого? – усмехнулся Борис – На слово верите?

– Все просто: первый шприц входит глубже. Потом мышцы от паралича как каменные становятся. Да и размер подкожной гематомы от первого выстрела и последующих тоже отличается. Так что тут не схитришь.

Ухо потянулся к своему калашу, прислоненному к ножкам раскладного столика. Отсоединил от подствольника магазин с зеленой меткой. Осторожно выщелкнул удлиненную, похожую на отрубленный палец, пластиковую капсулу с короткой толстой иглой вместо ногтя.

Сунул под нос Борису:

– Смотри...

Ага, так вот он какой, хэдхантерский шприц-ампула! Игла оказалась зазубренной, как гарпун, и полый. У основания «гарпуна» крепился обтекаемый подвижный поршень-ограничитель. Такой не позволит игле войти глубоко и покалечить добычу, зато, подавшись при попадании назад, выдавит из капсулы нужную дозу парализатора.

Шприц был длиннее автоматной пули. И калибр – значительно больше. Впрочем, трубка подствольника-ампуломета тоже шире ствола, предназначенного для боевой стрельбы.

На боку матовой пластиковой поверхности, между маленькими выдвижными перьями стабилизатора, Борис разглядел букровку «У», накарябанную маркером. «Ухо», – значит? Судя по метке, со своим прозвищем сержант сжился крепче, чем с именем-фамилией.

– Вот так же и свои шприцы пометишь.

Сержант вставил ампулу обратно в магазин. Магазин – в автомат. Автомат – под стол.

Затем Ухо выложил перед Борисом две пластиковые коробки с парой запасных магазинов, прикрепленных сбоку. Коробка побольше помечена красным, поменьше – зеленым.

– Здесь весь твой боекомплект. Пока.

– Что значит «пока»? – не понял Борис. – На весь рейд что ли?

Патронов было не густо. Вообще-то Борису казалось, что охотники живут побогаче.

– Может быть, и на весь, – пожал плечами Ухо. – А вообще – до особого распоряжения Стольника. Наш взводный – мужик экономный.

– Это я уже понял, – вздохнул Борис, покосившись на простреленный бронежилет.

Наверное, прижимистость нового командира была оправданной: во время длительного автономного рейда на счету должен быть каждый патрон. В диких землях баз снабжения нет.

Сержант кивнул на хэдхантерский автомат, лежавший на столе.

– Ты, вроде, с оружием обращаться умеешь.

– Ну... – пожал плечами Борис. – Вроде того.

– Значит, проблем не будет. Калаш, он и в Африке калаш. В принципе, да... Борис не спорил.

– А ампуломет – освоишь. Эта штука проще пневматиче-

ского пистолета.

Борис кивнул. Он и сам видел, что ничего сложного в оружие хэдов нет.

Ухо положил на стол мятый лист бумаги.

– Распишись за полученное. И здесь тоже. И здесь. Везде, где галочки стоят. В рейд пойдешь под моим началом. Первая машина – запомни. Всё. Пока свободен. Уноси барахло.

Ухо покосился на список новобранцев

– Щербатов! – грянул голос сержанта.

Борис отошел в сторонку. Теперь предстояла долгая и кропотливая работа: пометить шприц-ампулы и наручники. Никому дарить свои баллы он не собирался. А значит...

Первый шприц в одну руку, маркер – в другую. Он решил не мудрить и обойтись инициалами. «ББ» – неровно накарябал Борис на задней, самой толстой части ампулы. Борис Берестов... Тонкий стержень маркера писал четко, едкие химические чернила намертво въедались в гладкую поверхность пластика. Только вот руке непривычно было подписывать столь мелкие предметы.

Ничего, привыкнет.

Второй шприц. «ББ». Третий. «ББ». Дело пошло лучше.

Взял для пробы наручники. «ББ». Ну, тут совсем просто. Он даже увлекся.

«ББ», «ББ», «ББ» – тщательно выводил Борис, высунув кончика языка, словно усердный школьник. От этих «ББ» теперь многое будет зависеть в его новой жизни.

Глава 4

Всего в колонне было восемь машин. Компактный, приземистый, оборудованный хорошей оптикой, быстрый и маневренный бронемобиль разведки, издали казавшийся небольшим подвижным холмиком. Схожий с разведчиком юркий командирский броневиночок. Два легких бронетранспортера, набитых хэдами. Неповоротливая частично бронированная фура-вездеход, везущая основной груз группы. Три трес-транспорта – длинные и вместительные, напоминавшие огромные сдвоенные автобусы, этикие коробки на колесах с забранными решетками окнами и отделенными от просторных салонов маленькими водительскими кабинками.

Тресовозки, предназначенные для транспортировки живого товара, пока были пустыми и гулко погромыхивали при движении колонны. Утробно рычали мощные двигатели, шуршали о грунт широкие, прикрытые защитными панелями колеса. Вся хэдхантерская техника обладала хорошей проходимостью и была способна с одинаковым успехом передвигаться и по ровному шоссе, и по старым разбитым дорогам, и по пересеченной местности.

Борис и еще пара новобранцев – Щерба и Крыс – сидели на броне замыкающего бэтэра, которым командовал безухий сержант. Остальных хуторян раскидали по другим бро-

невикам.

Машина была широкая и сплюснутая, с невысокими, усеченными скобами и вырезами для стволов бортами, надстроенными над крышей и люками. Свежий ветер продувал открытый верхний ярус, и Борис был этому только рад. Он любил, когда вот так – ветер в лицо.

За новобранцами присматривал один из старичков – долговязый детина по кличке Гвоздь. Тот самый, что вызывал кандидатов на собеседование в Хуторской конторе. На новичков Гвоздь смотрел свысока.

– За броню держитесь крепче, салаги! – с глумливой улыбкой проорал им хэдхантер. – А то потеряетесь по дороге!

Охотник засмеялся. Однако никто его веселья не поддерживал.

– Слушайте дядю Гвоздя и не пропадете!

Гвоздь этот Борису не понравился сразу. Впрочем, хэдстаричок сильно не нарывался, и Борис старался не обращать внимания на неприятного сослуживца.

Проблем с дедовщиной в хэдхантерской группе быть не могло в принципе. Во-первых, в рейде ценится не стаж службы, а результаты, определяемые трес-баллами, набранными как каждым охотником в отдельности, так и группой в целом, а во-вторых...

Перед отъездом из Хутора, Борис успел выяснить, что из таких же, как он, новичков состоит значительная часть отряда. Хэдхантеры поступили хитро. Вместо того, чтобы пол-

ностью укомплектовать группу перед рейдом, они вербовали подходящих людей по пути. Причем, большей частью, в дальних Хуторах. Расчет прост: чем отдаленнее Хутор, тем меньшую зарплату можно предлагать потенциальному кандидату и с тем большим рвением он будет ее отрабатывать. В приграничье народ непривередливый. Там многого не запросят.

Хуторской центр, обнесенный внутренней линией укреплений, остался позади. Закончились небольшие, разбитые на квадратные делянки и оттого похожие на сюрреалистическую шахматную доску поля кукурузы, подсолнечника, пшеницы и картофеля, огородики, садики, лужки. Кое-где виднелась старая ржавая техника – жалкие остатки бывшего парка сельхозмашин.

Под присмотром охранников в полях копошились немногочисленные тресы. По соседству работали вольнонаемные хуторяне, не утратившие еще статуса свободного гражданина. Увы, машин и людей на полях было слишком мало.

Да, пока Хутор держался. Но так цепляется за жизнь смертельно больной человек, у которого еще много мучительных дней впереди, но дни которого все таки уже сочтены.

За возделанными полями лежали необъятные, давно заброшенные и заросшие сорняком Хуторские земли. Обрабатывать и защищать их не было уже ни сил, ни средств, ни возможности. Тягостное, гнетущее зрелище... Именно здесь теперь проходила внешняя линия обороны, которую совсем

недавно патрулировал Борис.

Ржавая колючка на подгнивших столбах. Покосившиеся бетонные блоки. Ненадежные минные заграждения. Выработавшие свой ресурс камеры и детекторы движения, половина из которых не работала вовсе, а половина – барахлила и глючила через раз...

А ведь все это необходимо поддерживать хоть в каком-то порядке. Дикие словно чувствовали слабость приграничного селения и стервятниками кружили за внешним ограждением. Иногда целыми бандами набегали на поля. Порой, случалось, нападали на охрану, пытаясь отбить оружие. Диких приходилось отгонять, растрачивая дорогие боеприпасы. Расходы не окупались: захватить живым хотя бы одного дармового треса не удавалось пока ни разу.

Единственным способом повысить эффективность обороны было сужение оборонительной линии. Хуторские границы сжимались все сильнее. По ту сторону ограждения оставалось все больше и больше земли. Петля внешних укреплений затягивалась, как тугой аркан.

Рано или поздно внешняя заградительная линия подступит к Хуторскому центру вплотную и тогда... О том, что будет с Хутором тогда, думать не хотелось.

Борис прислушался к своим ощущениям: жаль ли ему уезжать отсюда? Ну хотя бы немного жаль? Малая родина как-никак, мать ее?

Нет! Никакой щемящей тоски. Ни малейшего сожаления.

А, может, ему должно быть стыдно удирать, подобно крысе с тонущего судна, оставляя односельчан, обреченных на агонию в несколько тяжелых лет?

Ничего подобного! Стыдиться было нечего. В конце концов, его присутствие в Хуторе ничего не решало. Как и его отсутствие.

И сейчас была только радость. Только надежда. Только счастье: выр-вал-ся!

Хотелось одного: поскорее убраться отсюда и всё забыть. Хотелось с головой окунуться в новую жизнь, которая сулила такое, о чем даже не мечталось в жизни прошлой.

У обочины перед открытыми воротами внешних заграждений их уже ждал вооруженный патруль. Хуторские пограничники. Два человека, собака. Пес заливался лаем. Люди молча, исподлобья, смотрели вслед удаляющейся хэдхантерской колонне. Такими взглядами, наверное, провожает уходящее войско группа прикрытия, которой отступить уже не суждено. Так смотрят смертники, чья смерть неизбежна, но непозволительно долго растянута во времени.

Люди у обочины оставались, и не были этому рады.

Борис отвел глаза. Он уезжал.

Ну всё, наконец-то! Проехали внешние ограждения. Закрылись завесой пыли от хмурых взглядов хуторских погранцов.

Борис вздохнул с облегчением. Вряд ли ему когда-нибудь захочется сюда вернуться.

Сразу за Хутором разведывательный броневичок оторвался от колонны и скрылся из виду. Остальные машины продолжали движение в прежнем темпе, ориентируясь на скоростные возможности грузовой фуры и тресовозок.

Бронетранспортер немилосердно трясло по старой раздолбанной трассе. Под колесами зеленела пробившаяся сквозь потрескавшийся асфальт трава.

Хуторской границы больше не было видно. Теперь путь лежал к другой границе. К условной, никем и ничем не обозначенной границе цивилизных поселений, за которыми лежали дикие земли. Необъятные охотничьи угодья для хэдхантерских групп. Нужно только проехать буферную зону мертвых Хуторов и заброшенных сельхозугодий. Зону запустения, тревоги, опасности и безнадёги. Зону, внушающую мрачные мысли и неприятные воспоминания о не столь уж далеком прошлом.

Борис смотрел на плодородные поля, ставшие теперь пустынной целиной и на разрушенные фермы, некогда являвшиеся частью Хуторов. Он вспоминал, как все начиналось... Как кончалось то, что было прежде.

Финансовые кризисы накатывали волна за волной. И, в конце концов, именно они поставили цивилизацию на грань уничтожения.

По прихотливой иронии судьбы и эволюции привычную жизнь и общественное устройство разрушили вовсе не атомная война, не нашествие инопланетян, не взбунтовавшиеся

компьютеры, не дрянная экология, не эпидемии, не астероиды, не вспышки на солнце, не глобальное потепление и не какие-нибудь катаклизмы, страшившие фантастов и футурологов-пессимистов.

Цивилизацию чуть не сгубила обычная человеческая жадность. Тем, кто уже имел многое, хотелось большего, хотелось всего и сразу. И, желательно, из ничего. И вот, пожалуйста...

Произошло то, что рано или поздно должно было произойти. Цивилизация, породившая миллиарды ненасытных потребителей и потребительских кукловодов самых разных мастей, запуталась в собственных хитроумных финансовых путях и едва не утонула в стремительно обесценивающейся денежной массе, акциях, облигациях, векселях и прочих бумажках, вдруг, в одночасье ставших никому не нужными. Старый мир рухнул. И потрянуло так, что мало не показалось никому. Но ведь кого-то всегда трясет сильнее других.

У Этой Страны попросту вытрянуло почву из-под ног. Хреноваستنенько стало уже в первый кризис. А когда после недолгого затишья и пробудившейся, было, надежды страну начало накрывать снова и снова, и снова, и опять, — тогда дела пошли совсем скверно.

Жирок, накопленный за годы нефтяного благополучия, расходовался быстрее, чем приходило истинное понимание случившегося. Поначалу бюджетные средства щедро раздавались банкирам, крупным промышленникам и прочим де-

ателям, которые, возможно, не умели работать сами, но зато предоставляли работу тысячам людей, а значит, имели право на шантаж правительства, всерьез опасаящегося недовольства населения и уличных беспорядков.

В непростые кризисные времена, когда впору потуже затягивать пояса и считать каждую копейку, вдруг лихнул неожиданный, однако весьма избирательный денежный дождь, увы, не приносивший облегчения.

Пели свои жалостливо-заунывные песни олигархи, жаждавшие попасть под живительные потоки. Словно жухлые осенние листья летели золотые парашютисты из старой гвардии высшего топ-менеджмента. Множились и разбухали бонусы у новых управленцев загибающихся компаний. Росли запросы и доходы чиновников, заведовавших растекающимися во все стороны финансовыми ручейками.

Судорожно изыскивались и быстренько находились средства на спасение... Что именно тогда спасали? Борис усмехнулся собственным мыслям. Спасали фондовый рынок, к которому большая часть населения не имела никакого отношения. Спасали банковскую систему, в которой миллиардные суммы растворялись как в бездонной черной дыре. Спасали нерентабельную и неконкурентоспособную, загубленную нефтяным изобилием промышленность. Спасали неэффективные градообразующие предприятия-полутрупы. Спасали амбициозные проекты и очередные стройки века. Спасали монополистов, корешей-олигархов, забугорных друзей и со-

юзников. И, разумеется, все это делалось во имя спасения Этой Страны.

Желающих получить госпомощь – таких желающих, без которых страна, якобы, ну никак не выживет, становилось все больше. И ведь помогали, не особо интересуясь мнением стремительно нищающих простых налогоплательщиков, чьи деньги, собственно, и тратились с рекордной скоростью. Помогали, помогали, помогали...

Не всем, конечно, но многим. Транши один за другим уходили в никуда, не принося результатов. Денежный дождь продлевал агонию, но не возрождал жизни.

Нет, конечно, пока были деньги, хоть чем-то реально обеспеченные, кое-что перепадало и народу. А народу в Этой Стране было много. Но народ на свою беду, был далеко от власти и столицы. Народ не был организован и настойчив, как приближенные просители. Поэтому народу доставалось так, на прокорм, ровно столько, сколько требовалось, чтобы не доводить дело до стихийных бунтов. На таких расходах экономить умели всегда.

Наверное, предполагалось, что денег должно хватить. Вышло иначе. Спасительная финансовая подушка сдулась. Деньги превращались в бумажный мусор, которым уже не было смысла накачивать экономику. Куда-то испарились запасы, прежде казавшиеся неисчерпаемыми. Начинался бардак. А в бардаке все заканчивается еще быстрее. Умирали наука, образование, производство, сельское хозяйство,

транспорт, торговля. Всё умирало. Целыми отраслями. Те, кого не поддерживали, сдохли первыми. Те, кого поддерживали, немного потрепыхались и чуть позже сдохли тоже.

Несмотря на многомилиардные вливания, экономика встала. Вмертвую. Обвалились биржи. Бюджет опустел. Налоговые поступления прекратились. Социалка не финансировалась. Безработица росла. Спасительную нефть в прежних количествах и по прежним ценам никто покупать не хотел. Денег – настоящих, имевших хоть какое-то обеспечение – не было даже на самые неотложные нужды.

Своих служилых людей и свою бюрократию – главную опору в смутные времена – государство не давало в обиду до последнего. Но, в конце концов, средств, не стало хватать и на содержание раздутого аппарата. Были урезаны льготы, премии и зарплаты. Потом начались массовые сокращения чиновников, оказавшихся особой социальной прослойкой – самой, пожалуй, неприспособленной к полунисщенскому существованию без намека на стабильность и без надежды на будущее.

Полку безработных резко прибыло.

Сначала без работы сидело полстраны. Потом без работы осталась практически вся страна. Авторитет власти упал ниже плинтуса. В конце-концов, начались волнения, которых так боялись и так старалось избежать обитатели высоких кабинетов. По регионам и столичным улицам покатила волна погромов и мародерства. Поднял бритую голову криминал.

И занялся та-а-акой пожар!

Заткнуть рот голодному народу было уже нечем. Прокормить обозленную армию безработных не представлялось возможным. Силовики, которым тоже вдруг оказалось нечем платить за лояльность, больше не были столь послушными и расторопными, как раньше. Они тоже начинали выходить из повиновения. Быстро залить недовольство деньгами или кровью не получалось.

Да, штормило везде, по всему миру. Лихорадило всех. Но до того, что творилось за рубежом, в Этой Стране никому уже дела не было. В Этой Стране общемировые проблемы отчего-то переживались острее и болезненнее. И Этой Стране как всегда нужен был свой особый путь.

А посему границы (пока еще были четкие границы) закрывались, иностранные каналы (пока таковые еще вещали) глушились, даже непотопляемый Интернет, (пока он еще работал) блокировался всеми мыслимыми и немыслимыми способами.

Америке, Европе, Китаю, арабам, евреям и латиносам предоставлялось право выкарабкиваться из разверзшейся задницы по своему усмотрению, но так, чтобы не мешать Этой Стране.

Мрачное веселье в которой продолжалось по-полной.

Инфляция, стагфляция, гиперинфляция, дефляция – все смешалось, все скрутилось в тугую узел кранты– и хана-фляции. Цены на продовольствие взлетели до немыслимых вы-

сот. На черном рынке резко подскочил спрос на оружие. Случилось неслыханное: начало обесцениваться даже золото. Люди стали понимать, что презренным металлом сыт не будешь.

Некоторое время печатный станок еще работал, и деньги по инерции перетекали из кармана в карман, но они больше не приносили ни прибыли, ни радости, не делали новые деньги и не кормили своих владельцев, нисходя до уровня дешевой, хотя и не очень удобной растопки.

Для сохранения (о преумножении уже никто не думал) пресловутого капитала, для обеспечения мало-мальской стабильности в обществе, для спасения от окончательного и бесповоротного краха и – главное – для удержания ускользающей власти хозяевам агонизирующей страны требовалось принципиально новое универсальное средство – мерило всех мер и спасительная панацея одновременно.

Нашли. В Этой Стране нашли и не прогадали. Самой надежной валютой в условиях полного и безнадёжного упадка стала рабсила. Тресы. Трудовые ресурсы.

Рабы. Если уж называть вещи своими именами.

Работник-трес оказался мечтой работодателя. Еще бы! Такая экономия на зарплате и соцпакете! Ненормированный рабочий день. Минимальные расходы на кормежку. Максимальная отдача. Полное бесправие. Трудовой кодекс – поборку. Профсоюзы? Какие могут быть у рабов профсоюзы? В общем, идеальный вариант для скорейшего восстановления

экономики без обременительных материальных затрат.

Да, конечно, вокруг и так полно было оголодавшего народа, готового работать за гроши. Но проблема заключалась в том, что нужно было как-то изыскивать и эти гроши.

Вкалывать же за идею, просто так, никто не желал: не те времена, не то общество. Да и трудно быть идейным, самоотверженным и просто лояльным гражданином, зная, что устоявшаяся жизнь рухнула из-за алчности тех, кто сидел где-то наверху, беззастенчиво хапал миллионы и ворочал миллиардами.

А вот трес – совсем другое дело! Трес работает бесплатно, работает когда нужно и работает сколько нужно, не предъявляя претензий. Одним словом: то, что доктор прописал. Спасти страну могло простое и старое правило: чтобы кто-то процветал, кому-то надо пахать. И чем тяжелее времена, тем больше пахарей требуется.

Вот только где их взять, столько-то?

Если очень нужно, ответ найдется на любой вопрос.

Время лопнувших финансовых пузырей и посыпавшихся денежных пирамид сменилось новыми временами. Теперь грандиозную пирамиду начали возводить из людей. Пирамиду, в основании которой горбатились тресы. Такая пирамида гребла под себя всех, до кого могла дотянуться.

Первыми стали заключенные. Но переполненные тюрьмы опустели слишком быстро. Арестантов, оптом проданных в рабство, оказалось недостаточно. Взялись за оставших-

ся на свободе оппозиционеров, потом — за бомжей, нелегалов-эмигрантов, всяческих маргиналов, мелкий криминал.

Не хватило.

Для восстановления рухнувшей экономики требовалось все больше и больше дармовых рабочих рук. Появилась нужда и в высококвалифицированных специалистах, которым тоже можно было бы не платить за труд.

Вспомнили о неплательщиках. Невозвращенные потребительские и автокредиты вышли должникам боком. Были подняты и тщательнейшим образом изучены ипотечные списки. Обанкротившиеся заемщики тысячами попадали в трес-рабство. Однако и этого было мало.

Из глубин бюрократической памяти всплыло подзабытое словечко «тунеядец». Появились законы, позволяющие вылавливать безработных. Общественные работы становились принудительными и неоплачиваемыми, тоже являясь, по большому счету, первым шагом к рабству.

В крупных городах стремительно развивалась торговля живым товаром. Появились первые трес-спекулянты. Вводились налоги на покупку и продажу людей. Новый рынок бурлил и рос как на дрожжах, пробуждая все, с чем соприкасался. Снова пошли поступления в бюджет. Жизнь налаживалась...

Вскоре тресы были объявлены главным стратегическим ресурсом страны. Оно и понятно. На былые доходы от нефти и газа в обновленном мире рассчитывать не приходилось. А

узаконенное рабство, как бы оно не называлось и в какие бы одежды не рядилось, поглощает людские ресурсы в огромных количествах.

Народ, правда, довольно быстро смекнул, что к чему. Толпы непристроенные граждане ломанулись из мегаполисов. Беглецов стали отлавливать уже в открытую, пачками. Появились специализированные хэдхантерские компании, поставлявшие живой товар на формирующийся трес-рынок. Профессия охотника за головами становилась уважаемой, престижной и прибыльной.

Неорганизованные попытки сопротивления подавлялись в зародыше. Участники стихийных акций априори объявлялись наипервейшими кандидатами в тресы. А тресы все росли и росли в цене.

Охота за людьми становилась массовой. Общество раскололось на две части: граждан, сумевших влиться в новую систему и неграждан – объявленных вне закона диких, каковых было большинство и каких новое пирамидальное устройство государства могло принять только в свое основание.

Такая политика выхода из кризиса оправдала себя на все сто. Государству больше не нужно было кормить лишние рты – эту заботу брали на себя приобретатели и пользователи тресов. Не нужно было подавлять волнения рабов: тот же тресовладелец следил за своей двуногой собственностью лучше, чем это могли сделать все силовые структуры вместе взятые. А проблему уличных беспорядков, устраиваемых

свободными гражданами, охотно решали хэдхантерские команды. Участников акций протеста можно было сразу, тепленькими, продать в тресы и неплохо на этом заработать. Так что протесты вскоре прекратились.

О затратах на пенсионное обеспечение, медицину и прочую социалку можно было забыть. Эти вопросы тоже находились в ведении тресовладельцев. Разумеется, тратиться на содержание престарелых рабов и калек никому не хотелось. От них предпочитали избавляться. Способы были...

Но самое главное: тресы поднимали на своих плечах рухнувшую экономику. В стране появился хлеб, и появились зрелища. Оживилась биржа. Проснулись рынки. Заново расцвел гламур. Безумство потребления вновь нарастало как снежный ком, только в еще больших масштабах, чем прежде.

Головокружительный рывок из упадка к роскоши многим поносил башни напрочь. Когда трес-проституция стала легальной, резко вырос спрос на секс-рабынь. В больших городах появлялись колизеи, оборудованные для гладиаторских боев. Эрос и Танатос рулили по полной. Угар нарастал.

Единственный недостаток нового порядка заключался в том, что для дальнейшего процветания требовалась постоянная подпитка трудовыми ресурсами. Махровое рабство вытягивало Эту Страну из пропасти, покуда были рабы. Но добывать рабов становилось все труднее.

Глава 5

Колонна неожиданно, без видимых причин, остановилась. Бэтээр, на котором сидел Борис, тоже резко затормозил. Широкие колеса перестали крутиться. Что-то скрежетнуло. Массивная бронированная машина качнулась на рессорах.

Сидевшие снаружи новобранцы едва не посыпались с брони через надстроенный борт. Щерба выронил автомат. Бориса спасла хорошая реакция: одной рукой он успел вцепиться в стальную скобу-поручень, а другой – в соскользнувший с плеча автоматный ремень.

Коротко прозвучал сдавленный мат, потом – облегченный выдох. Усидели, не расшиблись – и то хорошо!

Из открытого верхнего люка вынырнула голова Уха.
– Всем на броню, – услышал Борис голос сержанта. – Машины не покидать.

Ухо ловко выбросил тело из открытого люка. Снизу кто-то подал сержанту автомат. Распахнулся второй люк. Вслед за сержантом полезли хэды. Боковые люки не откидывались. На землю никто не спускался. Охотники располагались на броне. Люди насторожено смотрели вокруг и поводили стволами из стороны в сторону.

Крышу и борта второго бэтэера тоже облепили пятнистые фигуры. Определенно, что-то намечалось.

Взгляд Уха выцепил валявшийся в траве автомат.

– Кто уронил оружие? – нахмурился сержант.

– Ну я, – отозвался Щерба. – А какого хрена было так тормозить?!

– Поднял автомат! – процедил Ухо – Штраф – один трес-балл.

– Ты че, сержант, – возмутился, было, Щерба, – совсем охре...

– Два трес-балла! – оборвал его Ухо. – И поговори мне тут еще, салага! Сломаешь ствол – вообще не считаешься, понял?

Щерба был из понятливых. Быстро все уяснив и утратив всякое желание пререкаться, он спрыгнул с брони, поднял автомат, снова вскарабкался на машину.

Чуть прикрыв глаза, сержант к чему-то внимательно прислушивался. Из-под шлемофона, неплотно примыкавшего к тому, что осталось от сержантского уха, доносился едва различимый хриплый бубнеж. Видимо, работала закрытая командирская связь. По крайней мере, в своем шлемофоне Борис пока ничего не слышал.

Бубнеж прекратился. Ухо кивнул, словно показывая невидимому собеседнику, что все понял.

– Значит так, слушайте сюды, орлы, второй раз повторять не буду, – быстро и деловито заговорил сержант. – Разведка обнаружила диких.

– Дикие? – встрепенулся Гвоздь. – Здесь?

Это в самом деле было странно. Они не так уж и далеко

отъехали от приграничного Хутора. Еще буферную зону не миновали. До диких земель было пока далековато, но...

– Прямо по курсу, – ответил сержант. – На нас прут.

– Сколько их, Ухо?! – глаза у Гвоздя загорелись. Удивление сменилось охотничьим азартом. – И чего они делают в буферке? Хутора брать идут что ли?

– Вряд ли, – ответил Ухо. – Слишком маленькая группа. Три-четыре семьи. Всего – до пятнадцати голов.

Бориса немного покорило. Вот, значит, как хэдхантеры считают добычу. По головам. Как скот. Как и положено охотникам за головами. Ладно, головы так головы – привыкнем.

– Ско-о-олько? – скривился Гвоздь. – До пятнадцати? Всего-то? Обычно к Хуторам кланы меньше полусотни голов не суются.

А ведь верно! Борис прислушивался к разговору.

– Не суются, – согласился сержант. – А эти вот сунулись. Так что...

Он повернулся к новобранцам. Осклабился:

– Ну че, салаги, пора поохотиться, что ли?

– Сафари? – понимающе улыбнулся Гвоздь.

– Сафари, – кивнул Ухо. – Выдвигаемся по общему сигналу. Наша машина заходит с левого фланга. Едем на полной скорости, так что держитесь крепче. Кто упадет – подбирать не будем. Леталку использовать только в случае крайней необходимости. Нелеталку – экономить. Диких без нужды не калечить.

В сержантском шлемофоне что-то коротко вякнуло. Видимо, это и был сигнал к началу охоты. Ухо стукнул прикладом по броне. Крикнул заглядывающему снизу, из открытого люка, водителю:

– Трогай!

Бронетранспортер сорвался с места. Колонна взвыла, разворачиваясь из походного порядка в охотничий.

Борис почувствовал, как часто-часто забилося сердце. Это была его первая охота. Это была первая ступень в хэдхантерской карьере.

Примерно четверть часа спустя они вылетели на небольшую холмистую равнину. Слева громоздились валуны. Правее протекала грязная речушка с заболоченными берегами. Между каменистыми россыпями и водой Борис увидел человеческие фигурки.

Дикие! Добыча! Тресы! Баллы!

Секунду или две оцепеневшие люди стояли неподвижно и смотрели на несущиеся к ним машины. Потом бросились врассыпную.

– Йо-хо-о-о! – по-ковбойски завопил Гвоздь, потрясая автоматом. – Повеселимся, мля!

Началась гонка. Азартная и дикая. Погоня за трес-баллами. Все было просто и предельно ясно: кто быстрее доберется до диких, тот и настреляет больше баллов.

Командная машина Стольника и второй бэтээр с хэдами на броне мчались прямиком на диких. На правом фланге,

откуда-то из оврага у реки вынырнули разведчики. Отставшие тресовозки и транспортная фура плелись сзади. Группа Уха ехала слева.

Их машина уже настигала первых беглецов.

Первыми оказались женщина и ребенок. Похоже, мать и сын. Мальчишке – не больше десяти. Мать тянет ребенка за руку. Дите на коротких ножках не успевает бежать за женщиной. Часто оглядывается. Плачет.

Вот ведь хрень какая! Охотничий азарт как-то сразу схлынул. Словно ледяной водой окатили. Борис опустил автомат. Стрелять по такой мишени? Конечно, он знал, что придется. Когда-нибудь – придется и по такой. Но, наверное, он еще к этому не готов. Борис рассчитывал охотиться на одичавших звероподобных мужиков, вроде тех, что время от времени пробовали на прочность внешнюю оборону Хутора. А так... Так как-то оно было совсем не то. Такого начала он не ожидал.

Впрочем, пока в диких не стрелял никто. Слишком сильно трясло, и охотники не спешили расходовать шприц-патроны. Но расстояние быстро сокращалось.

Полсотни метров до движущейся двойной мишени.

Было ясно как день, что матери и сыну деваться никуда.

Тридцать метров.

Но они продолжали бежать.

Двадцать...

Два едва слышных хлопка подствольных ампулометров

прозвучали почти одновременно. Кажется, стреляли Ухо и Щерба. Кто-то попал.

Упала женщина. Дикая грохнулась на бегу. Скрючилась, поджав руки и ноги: хэдхантерский парализатор действовал мгновенно.

Теперь уже мальчишка пытался тянуть мать за сведенную судорогой руку. Силенок у пацана не хватало. Пацан плакал.

Десять метров.

Еще хлопок.

Мальчишка упал возле матери, корчась, словно от боли в животе. Вот оно какое, хэдхантерское сафари...

Машина, даже не притормозив, пронеслась мимо в паре метров от женщины и ребенка.

– Ай-й-йу-у-у! – снова орал от восторга Гвоздь. – Я люблю это! Оф-ф-фигительная работенка!

Похоже, ребенка подстрелил он.

Водитель гнал бэтээр на новую жертву.

По правому борту нарисовался парень в выцветшей джинсовой куртке. В руках – самострел, похожий на средневековые арбалеты. Этот дикий не бежал. Припав на одно колено, он целился в машину.

Нет, не целился – стрелял!

Джинсовый арбалетчик оказался неплохим стрелком. К тому же, у него имелось преимущество: дикий мог не беспокоиться о тряске.

Короткая тяжелая стрела звякнула о чей-то бронник. С

машины слетел Крыс, сидевший позади Бориса. Покатился по траве, но тут же вскочил на ноги и, матерясь, кинулся к оброненному автомату.

Бронетранспортер не останавливался. До арбалетчика оставалось метров тридцать.

Борис снова поднял калаш. Стрелок в джинсе – не женщина и не ребенок. А ему кровь из носа нужен хотя бы один трес-балл на этой охоте! Парень с арбалетом был вполне подходящей мишенью.

Хлоп-хлоп! – раздалось над ухом.

Борис выругался сквозь зубы: его опередили. Гвоздь не пожалел двух шприц-ампул. И не просчитался: дикий дернулся, выронил арбалет и как-то нелепо, боком завалился в траву.

– Не тормози, салага! – хохотнул Гвоздь в лицо Борису. – Кто раньше встал, того и тапки!

Где-то справа дулетом грянул ружейный выстрел. Борис заметил, как с машины Стольника кубарем скатился человек. Жив? Нет? Высматривать было некогда. Наверное, жив. Из обычного гладкоствола не так-то просто пробить хэдхантерский бронежилет.

С броневика взводного ответили короткой очередью. Боевыми. Видимо попали: дикие из ружей больше не стреляли.

А охота продолжалась.

Бегущая фигура справа. Мужик с топором. Разворачивается. Размахивается. Хочет метнуть, что ли?

Борис повел стволом в его сторону. И снова опоздал: мужика свалил Ухо.

Следующим оказался дряхлый седой старик. Он не бежал даже, а ковылял, опираясь на сучковатую палку.

– В старпера не стрелять! – рявкнул сержант. – Боеприпасы не тратить!

Ну да, все правильно. Кто купит такого треса? Кормежка и транспортировка обойдутся дороже.

Водитель направил машину на дикого.

Старик испуганно закричал, прикрылся своей клюкой.

Борис поморщился. Так-то зачем, мать вашу?! Дурацкое развлечение!

Под улюлюкание Гвоздя машина сбила дикого, широкими протекторами вмяла старческое тело в землю, чуть подскочила на живой еще кочке. Устремилась дальше – за шустрым щупленьким черноволосым пареньком в потертой кожаной косухе и с рюкзачком за спиной.

Парень обернулся. Оба-на, да какой там парень! Это же девка! Только-только вышедшая из тинейджерского возраста. А может, и не вышедшая еще. Под распахнутой мужской кожаной курткой топорщилась небольшая грудь, обтянутая плотной майкой.

Вот где, действительно, стоящая добыча! За такую телку отвалят как за трех здоровых мужиков. А может, еще и доплатят сверху.

Борис прогнал все сомнения и снова вскинул автомат. Эта

чернявая девица – дикая. Он – хэдхантер. Так какие, на фиг, могут быть проблемы? Тем более, что Стольник предупредил: хлюпики-гуманисты ему в группе не нужны.

Девчонка сориентировалась лучше других. Она бежала не абы куда, как все, а неслась к нагромождению камней, где даже на хэдхантерском бэтэре не шибко разъездишься. При чем, бежала по-заячьи – зигзагами. Попасть в такую мишень непросто. И все же по девчонке начали стрелять еще издали, не взирая на тряску. Такой трес-балл нужен каждому!

В воздухе мелькнули несколько шприцов. В движущуюся мишень не попал ни один. Борис уже намеревался пустить в беглянку свой шприц, но та вдруг юркнула за большие мшистые валуны и спряталась где-то там.

Ухо в сердцах саданул прикладом по бронированной крыше. Крикнул в люк:

– Притормози!

Да, ради такого приза, стоило на время выйти из общей гонки. Бронетранспортер сбросил скорость и, тяжело переваливаясь на камнях, двинулся в объезд валунов.

Девчонка появилась чуть в стороне от того места, где ее ожидали увидеть. Видать, ползала дикарка так же быстро, как и бегала.

Чернявая чуть приподнялась над камнями на долю секунды. Для того лишь, чтобы взмахнуть рукой...

Борис увидел блеск стекла. Слабый огонек. Струйку дыма.

Зажигалка? Бутылка?

... и бросить...

Коктейль Молотова!

Девочка-приз превратилась в сюрприз. Весьма неожиданный и очень-очень неприятный.

Вертясь в воздухе, к машине летела бутылка с дымящейся тряпичной пробкой в горлышке.

Вот что было у беглянки в рюкзачке!

Три или четыре запоздалых хлопка ампулометов прозвучали уже после того, как девчонка вновь нырнула за валуны.

Шприц-ампулы разбились о камни.

Бутылка с зажигательной смесью ударила в броню.

Зазвенели разлетающиеся стекла, заднюю часть машины охватило липкое дымное пламя. В нос ударил острый химический запах.

У диких, насколько знал Борис, проблемы с бензином и соляркой. Свою зажигательную смесь они готовят на основе масла, ацетона, керосина и любой подручной горючей химии. Впрочем, в этом деле они мастера.

Пылающая лужа растеклась по корме. Огненные языки лизнули борт и крышу бэтэера. Горящие струйки потекли на протекторы и в воздухозаборники двигателя. Хэдхантеры, крича и матерясь, посыпались с машины. Борис тоже соскочил на землю.

На некоторых охотниках уже занялась одежда. Люди катались по земле, сбивая пламя. Вопил от боли Гвоздь. Ог-

ненные брызги попали ему на каску, под забрало, обожгли лицо и левую руку.

Дикая, воспользовавшись суматохой, вновь появилась над валунами. И опять – не там, где укрылась в прошлый раз. Не всякому дано менять позиции с такой скоростью!

В воздухе мелькнула второй зажигательный снаряд с тлеющей тряпичной затычкой. Стекло разбилась об открытую крышку верхнего люка, горячая смесь хлынула в нутро машины.

А чернявая метательница уже не прячется – размахивается снова. Девчонка успела подпалить третью бутылку от второй.

Бросок...

Дикая швырнула и ее тоже. Причем, на этот раз – не в машину. На этот раз склянка с адовой смесью полетела в охотников, спрыгнувших с брони. Борису показалось, что бутылка была брошена точнехонько в него. Время на миг замедлилось, растянулось, как резиновый жгут. Руки, без участия разума, сами выбрали приоритетную цель. И сделали все, что можно было сделать.

Вскинутый и уже наведенный на поджигательницу калаш дернулся выше. Спусковой крючок подствольного ампуломета остался нетронутым. Зато указательный палец правой руки вжал автоматный спуск.

Короткая очередь боевыми заглушила крики и мат. Пули разнесли бутылку в воздухе, на полпути к цели. Метрах в

десяти от людей.

Брызнувший во все стороны огонь не смог никому навредить. Зазвенели о камни горящие осколки. Потекли пылающие ручейки. Завеса из густого черного дыма на миг укрыла дикую.

Глава 6

Чернявая, сбросив рюкзак, ловко перемахнула через нагромождение валунов. Она больше не пряталась и не швырялась бутылками. Она снова спасалась бегством. Видимо, у дикой закончились снаряды. Однако, в этот раз укрыться ей не дали.

– Сука! – Гвоздь, сбросив каску, метнулся следом.

Дважды хлопнул ампуломет.

Дикая дернулась в сторону, и даже вроде бы увернулась...

А впрочем, нет, не вышло. В следующий миг Борису стало ясно: девчонке не удалось уклониться от шприц-ампулы. Скрючившись, чернявая упала между камнями.

Борис оглянулся назад. Объятый пламенем БТР остановился. Водитель выскочил из машины и суетился рядом с огнетушителем. Остальные хэды сбивали пламя друг с друга. Ухо и еще двое охотников помогали водителю спасти бронетранспортер. Из людей, вроде бы, никто особо не пострадал.

На помощь к группе Уха мчался броневик Стольника. Командирская машина была уже совсем близко.

– Сука! Сука! Сука! – все орал и орал Гвоздь.

Без каски, с автоматом наперевес, с перекошенным от ярости лицом он подбежал к подстреленной добыче. Лицо и левая кисть Гвоздя покраснели от ожогов.

«Убьет! – успел подумать Борис. – Гвоздь эту дикую сейчас точно замочит! Ему сейчас и трес-баллы и штрафы – до фонаря!»

Однако произошло неожиданное.

Сведенное судорогой тело беглянки резко распрямилось. Тонкие руки словно выросли из расщелины между камнями. Руки цапнули Гвоздя за ноги и, прежде чем тот успел что-либо предпринять – сдернули хэдхантера со скользкого мшистого валуна.

Гвоздь вскрикнул, грохнулся на спину, выронил автомат, исчез за камнями вместе с дикой.

Искусная имитация! В чернявую не попали, она просто притворялась подстреленной.

Похоже, никто, кроме него не заметил случившегося. Борис бросился к месту схватки. Прыжок, прыжок... Бежать по камням, рискуя переломать ноги, было непросто.

Он едва успел. Дикарка уже держала в руках автомат Гвоздя.

– А-а-а! – снова завопил Гвоздь. То ли от страха, то ли от ярости.

Девчонка заметила выскочившего из-за камней Бориса. Лицо дикой перекосилось. Зубы оскалились как у волчицы. Хэдхантерский калаш уже был направлен в обожженное лицо Гвоздя.

Борис выстрелил сразу, навскидку, почти не целясь. Шприц-ампула вошла девчонке в плечо.

Сильнейший болевой шок, мгновенно обездвиживающий паралич. Судорога... Палец дикой все же непроизвольно вдавил спусковой крючок. Очередь ударила над головой Гвоздя. Охотник дернулся, сжался. Красное обожженное лицо с разъявленным ртом засыпало пылью и каменным крошевом.

Боевыми! Она стреляла боевыми!

Дикая повалилась на Гвоздя. В ключице под смуглой загорелой шеей на игле-гарпуне качнулась маленькая ампула с раскрывшимися при выстреле крылышками стабилизатора и меткой «ББ» у хвостовика.

– Сука! Ах, ты ж, сука! – Гвоздь спихнул с себя содрогающееся тело.

Вскочил, вырвал из скрюченных пальцев автомат.

– Да я! Тебя! Я сейчас тебя, сука!..

Хлопок. Чуть дернулся подствольный ампуломет. Гвоздь всадил в скрюченное тело второй шприц. Попал в живот.

На пластиковой ампуле с иглой был накарябан маленький гвоздик. Такая, значит, у него метка. Простенько и понятно. Такой можно пометить уйму шприцов и не устать.

– Что, нравится тебе, сука?! – хрипел разъяренный хэд.

– Гвоздь, уймись! – крикнул Борис, подбегая ближе.

Какое там! Хлоп... Третий шприц воткнулся под распахнутую куртку, в левую грудь.

Окостеневшее тело дикой никак не реагировало на новые инъекции. Первая судорога закончилась. Сведенные мышцы

были напряжены, как при столбняке. Дикая лежала на камнях неподвижно. Страшное перекошенное лицо, зажмуренные глаза, оскаленный рот. Слезы, сопли. Пена изо рта... Это уже не имитация. Это – по-настоящему.

– Нравится, я тебя спрашиваю?! – брызгал слюной Гвоздь.

Позабыв обо всем, даже о том, что боеприпасы следует экономить, он снова положил палец на спусковой крючок ампуломета.

– Хватит!

Борис кинулся к нему, вырвал у Гвоздя автомат, отбросил оружие в сторону.

Это не помогло.

Обезумевший хэдхантер принялся пинать одеревеневшее тело девчонки. Гвоздь лупил ее ногами яростно и остервенело, что было сил. По голове, по животу, по груди, по бокам. Дикая не вскрикивала, не вздрагивала. Только покачивалась, да перекатывалась под ударами всем телом, словно деревянная колода или мороженая туша. На живого человека она сейчас походила мало.

Борис выматерился. Как-то сразу забылись и бутылки с зажигательной смесью и то, как он сам выцеливал эту чернявую из ампуломета. На войне оно как на войне, конечно. А на охоте – как на охоте. И дикие – всего лишь будущие тресы. А тресы, вроде как, и не совсем уже люди. Но, все же, такое избиение беспомощной, трижды уже подстреленной, скрюченной от боли и паралича девчонки... Как-то оно...

– Хватит, я сказал! – рявкнул Борис.

– Хватит?! – Гвоздь, медленно повернулся к нему.

Лицо его было страшным. Глаза налились кровью. На обожженной щеке взбухали волдыри. Казалось, он только сейчас заметил Бориса. А того, что именно Борис спас его от верной смерти, похоже, и не понял вовсе.

Гвоздь ощерился.

– Нет, не хватит, салага! Я только начал! Да я эту тварь прямо здесь, прямо сейчас!.. Во все дырки!.. Суку эту!

Вот ведь хрень! Похоже, Гвоздь, в самом деле, собирался осуществить задуманное. Прямо здесь и прямо сейчас. И именно, что во все...

Склонившись над дикой, он принялся срывать с нее одежду. Содрал куртку. Потом – майку, с мясом вырывая зазубренные иглы шприц-ампул, пришиливающих ткань к телу.

Начал стягивать потертые рваные джинсы. Это было непросто – с согнутых, сжатых и напряженных ног. Но Гвоздь очень старался.

Девчонка была худая и жилистая. Сведенное судорогой лицо сейчас казалось уродливым и отталкивающим. Черные волосы по плечи. Молодое, упругое тело. Смуглая кожа. Маленькие, остренькие грудки, казалось, можно закрыть рюмашкой. Над левой грудью, где кровоточила рана от выдранного шприца, багровел затянувшийся рубец. Кто-то словно вырезал из-под ключицы узкую полоску кожи. На шее виднелся еще более страшный след. Широкий шрам, оставший-

ся, судя по всему, после сильного ожога. На руках – тоже странные бледные пятна. Будто дикая по локоть окунула руки в едкий раствор и продержала их там дольше, чем следовало.

Жизнь у этой девчонки была, явно, не сахар. И Гвоздь намеревался добавить свою долю соли и перца.

Долговязый хэдхантер пыхтел и тяжело дышал. Он уже не просто злился, он был возбужден до крайней степени. Стащил ниже колен джинсы со сведенных параличом ног девчонки. Потянулся к трусикам.

Извращенец, мать его! Борис поморщился. Поиметь вот так парализованную дикую – это ж, наверное, все равно, что совершить акт некрофилии. Что за кайф трахаться с неподвижным твердым бревном? И вообще...

Вообще, все происходящее сейчас ему не нравилось. И, в конце концов, какого хрена?! Ведь это он, Борис, первым подстрелил чернявую. Значит, она – его добыча. Его законный трес-балл. Так что Гвоздя здесь ни с какого боку не стояло.

И к тому же Ухо запретил калечить диких.

– Гвоздь, прекрати! – Борис поднял автомат.

Демонстративно тронул пальцем спуск ампуломета.

Конечно, стрелять в Гвоздя он не станет, но, может быть, хотя бы вид оружия утихомирит взбесившегося охотника.

– Прекрати, говорю!

Он ткнул стволом в шею Гвоздя, над воротом бронежиле-

та.

«Интересно, а если все же выстрелить из подствольника вот так, в упор, можно ли убить человека? – пронеслось в голове. – Способна ли шприц-ампула перебить позвонки?» Нет, вряд ли: конструкция инъекционного дробника не позволит игле проникнуть слишком глубоко. И убойной силы пневматического подствольника не хватит. Ампуломет создавался не для того, чтобы убивать и калечить. У него другое предназначение.

– Ты?! – Гвоздь, наконец, поднял глаза на Бориса. В первый миг хэдхантер ничего не понял. Или не поверил. – В меня?! Автоматом?!

Но уже в следующий...

– Ах ты, сука! – оттолкнув направленный в него калаш, он шагнул к Борису. – Да я ж тебя положу рядом с ней! Да я ж тебя сейчас вместе с ней...

Руки Гвоздя вцепились в автомат Бориса. Глаза хэда горели нездоровыми огоньками.

Первоначальное намерение просто поугубить Гвоздя, улещивалось. Борис уже почти готов был выстрелить шприц-ампулой. Хотя... К чему напрасно расходовать нелеталку? Буянов можно успокаивать и иначе.

– Да я!..

Борис вырвал автомат из пальцев Гвоздя.

– ...Тебя! Тоже...

Развернулся всем корпусом.

— ...во все ды...

Нанес быстрый и точный удар прикладом. Не очень сильный — чтобы не убить ненароком. Но достаточно ощутимый, чтобы сбить с ног.

— ...Ы! — удивленно икнул Гвоздь, заваливаясь на валун.

На обожженной щеке лопнули волдыри. На скуле отпечатался след от приклада.

В нелепом полулежачем положении, опершись спиной о камень, Гвоздь потянулся к своему автомату.

— Не-а! — качнул головой Борис, стараясь быть убедительным. — Я ведь больше бить не буду, Гвоздь. Стрелять буду.

Чем именно стрелять — этого он уточнять не стал. В лицо Гвоздя смотрели и подствольный ампуломет, и автоматный ствол.

Гвоздь не дергался. Гвоздь словно врос в камень. Дурак, а соображает, что нажать на спусковой крючок — оно по-любому быстрее будет. Дотянуться до оружия у него не было никаких шансов.

— Ты че, думаешь, самый крутой, да? — неожиданно оскалился Гвоздь. Очень нехорошая вышла у него улыбочка. — Ну, мы с тобой еще поговорим об этом, салага. Я на тебя еще посмотрю. Потом... После рейда...

— О-о-отставить! — грянул за спиной знакомый голос.

Ухо!

Гвоздь мгновенно перестал улыбаться. Борис опустил автомат.

Сержант стоял неподалеку. Его тяжелый взгляд скользил по хэдхантерам и полуголой избитой девчонке. Ухо держал калаш. Автомат был направлен на Бориса и Гвоздя.

– Что за разборки? Кто стрелял боевыми? Почему в дикой три отметины от шприц-ампул? Кто ее избил? Кто раздел? Кто шприцы выдрал? Гвоздь?

– Эта тварь меня чуть не замочила! – Гвоздь, наконец, отлип от камня. Он говорил громко, взволнованно, брызжа слюной. – Прикинулась парализованной, сучка, вырвала автомат. Башку хотела прострелить. Ну, я ее и того... Поучить немного решил, короче. А этот вот влез...

Гвоздь бросил неприязненный взгляд в сторону Бориса.

– И правильно сделал, что влез, – пробурчал Ухо. – Нехрен товар портить! Приказ забыл?

– Да она ж, сука...

– Что сука – не спору, – перебил сержант. – Все остальное – не твоя забота, Гвоздь. Ты своими баллами за порченный товар не рассчитаешься.

Гвоздь умолк и смотрел исподлбья.

Сержант склонился над дикой.

– Нормалек, – оценивающе прикинул он. – Молодая. Здоровая, вроде. Правда, покоцанная чего-то...

Ухо поморщился.

– Шрамы эти на сиське и на шее все портят... И руки в пятнах каких-то. Ну, да ладно. Все равно за девчонку кучу бабла отвалят.

Он снова повернулся к Гвоздю:

– Так, говоришь, дикая у тебя автомат выхватила.

– Ага, – снова оживился и энергично закивал Гвоздь, – выхватила, а потом...

– Значит, ее подстрелил не ты, – перебил его Ухо.

Гвоздь прикусил язык, злобно засопел.

Ухо перевел взгляд на Бориса.

– Ты девочку завалил?

– Ну я, – без особого энтузиазма ответил Борис.

– Выходит, твой первый трес, салага? Треска, вернее.

– Выходит, так, – Борис пожал плечами.

– Ну что ж. С зачином тебя, Берест. Хорошая добыча. За такую девку тебе аж целых два трес-балла полагается. Только я их аннулирую. Штраф за внутригрупповые разборки. Гвоздь, с тебя тоже – минус два трес-балла.

– Да ты че, Ухо! – возмутился, было, долговязый хэд.

– Молчать! – рыкнул сержант.

– Есть минус два балла, – сник Гвоздь.

– Вот так-то! Чтоб никому обидно не было. А теперь взяли ее вдвоем – и потащили из камней. Сейчас тресовозка подъедет.

– Так а это... – снова вскинулся Гвоздь. – А охота как же, а?

– Баста! Кончилась на сегодня охота, – ответил Ухо. – Переловили уже всех.

И добавил с досадой:

– Без нас переловили.

Глава 7

Операция прошла относительно успешно. Потерь не было. Тяжелых раненых – тоже. Легкие ожоги в счет не шли. Мазь, повязка – и через пару дней все затянется.

Машину, попавшую под бутылки с горючей смесью, тоже удалось спасти. Пенные огнетушители вовремя сбили пламя. Вот только запах гари из бэтээра теперь выветрится не скоро.

Что же касается диких. Трех человек – старика и пару старух – попросту задавили: неликвидный товар охотников не интересовал. Еще одного – залегшего в траве и пальнувшего из ружья по командирскому броневику – пришлось пристрелить. В смысле – боевыми. Насмерть. Одному дикому удалось уйти через заросшие камышом и заболоченные овраги.

Всего в руки хэдхантеров попало девять человек.

Девять голов.

Невелика добыча, конечно, но...

– Ничего, – успокоил подчиненных Стольник. – Курочка – она по зернышку клюет.

Взводный отправил в свободный поиск машину разведчиков. Следовало хорошенько порыскать по округе: возможно, захваченная группа являлась лишь частью более многочисленного отряда диких.

Борис вместе с другими новобранцами загружал парали-

зованных диких в тресовозку. Странная это была работа – таскать людей, как бревна. Живых – как мертвых.

Мужчины, женщины... Здоровые, подходящего возраста. Ликвидные, одним словом. На трес-рынке таких с руками отрывают. Но самым ценным экземпляром была, вне всякого сомнения, чернявая поджигательница. За нее можно было смело просить двойную, а то и тройную цену. На молодых телок сейчас повышенный спрос.

Чернявой неожиданно заинтересовался Стольник. Взводный, наблюдавший за погрузкой добычи, кивнул на полуголую дикарку:

– Эту пока оставьте. Хочу поговорить.

И после недолгого молчания глубокомысленно добавил:

– Очень интересный экземпляр...

Действие парализатора должно было скоро закончиться, и на дикую нацепили наручники. Так, на всякий случай. Сразу две штуки. Одни – защелкнули на запястьях. Другие – на лодыжках. Легкие хэдхантерские наручники были очень удобным универсальным обездвиживающим спецсредством: ширина разъемных браслетов позволяла при необходимости использовать их и в качестве кандалов.

Стольник терпеливо ждал. Наблюдал. Изучал. Взводный стоял над пленницей, расставив ноги и чуть склонив голову. Вокруг толпились хэдхантеры. Со всех сторон сыпались скабрзные шуточки. Борис даже пожалел чернявую. Сейчас, в окружении ухмыляющихся мужиков скрюченная параличем

девчонка с пластиковыми кольцами на руках и ногах казалась ему особенно беспомощной и беззащитной.

Из одежды на дикой были только трусики и стянутые ниже колен узкие джинсы. Куртка и майка лежали в стороне. Из рта стекала струйка пены. На смуглой коже виднелись кровоточащие раны от выдеранных игл и следы от тяжелых ботинок Гвоздя. Ну и конечно, шрамы. На шее, на груди. Пятна на руках. Все-таки, немножко подпорченным оказался товар.

Борис покосился на Стольника. Интересно, что так заинтересовало взводного, и о чем он собирается говорить с пленницей?

Чернявая застонала. Двинула ресницами. Шевельнулась раз, другой.

Время вышло. Час прошел. Сведенные парализующей инъекцией мышцы вновь обретали свободу. Руки-ноги распрямлялись. Спина разгибалась.

Вперед выступил Ухо. Опустившись на корточки, сержант отвесил дикой пару звонких пощечин. Та глубоко и жадно вдохнула. Закашлялась. Открыла глаза – большие и карие.

Никакого блуждающего взгляда, никакого недоумения и непонимания. Сразу – осмысленное выражение. Лютая ненависть и жгучая злость. Страх не было...

Дикая дернулась. Наручники на руках и ногах впились в кожу.

– Очухалась! – хмыкнул Ухо.

Сержант поднялся и отступил в сторону. Над пленницей склонился Стольник.

Взводный улыбался. Без каски и с благодушной улыбочкой на губах он был похож на доброго дядюшку.

— Ну, загадочная незнакомка, расскажешь нам что-нибудь о себе?

Загадочная незнакомка молчала.

— Хорошо, — пожал плечам Стольник. — Не хочешь говорить сама, за тебя все скажет твое тело.

Никакой реакции...

— Знаешь, что, к примеру, я думаю вот об этом?

Стольник бесцеремонно ткнул пальцем в левую грудь девушки, туда, где на смуглой коже багровел длинный рубец. Чернявая сжалась, стараясь прикрыться скованными руками. Но, конечно, полностью закрыться она не могла.

— Индивидуальный идентификационный номер, да? ИИН у тебя здесь был, верно? Тату-клеймо треса?

Чернявую аж передернуло от этих слов. А Стольник словно и не замечал ничего.

— ИИН на сиськи обычно ставят трескам, которых продают для сексуальных утех, — как ни в чем не бывало, продолжал он. — Тебе, наверное, пришлось очень постараться, чтобы вывести клеймо, а? Бритвой резала или как?

Молчание... Борис не верил своим ушам. Беглая треска?! Если Стольник прав, значит, девчонку когда-то уже продали в тресы, сделали из нее секс-рабыню, а позже она каким-то

чудом умудрилась сбежать от хозяина. Такое если и случилось, то нечасто. Крайне редко такое случалось. По крайней мере, Борис ни разу не слышал об удачных побегах.

– А эти пятна... – Стольник указал на руки пленницы. – Они ведь остаются от контакта с агрессивными средами, верно?

Руки в наручниках прятать было некуда. Дикая и не пыталась их спрятать.

– Где ты работала? Химическая промышленность? Вторичная переработка?

Ни слова в ответ.

– Вообще-то после кризисов осталось не так много предприятий, где можно получить такие отметины. – Рассуждал вслух Стольник. – Да и у работающих там тресов, в язвах все тело – с ног до головы. Там люди травятся быстро, слабеют еще быстрее и живут совсем недолго. И находятся, к тому же, под такой охраной, что... В общем, ты, явно, не оттуда, подруга. Тогда, может быть, Коллектор?

Борис вздрогнул. Коллекторные системы, зловонные клоаки больших городов, через которые тоннами прокачиваются отходы и нечистоты – это еще хуже, чем не оправившийся после кризисов химпром. Хуже, потому что смерть в Коллекторе более растянута во времени, но от того не менее ужасна и мучительна.

Но в принципе – да, там тоже, наверное, хватает химических отходов и дезинфицирующих растворов. Коллектор

надлежит поддерживать в должном порядке и чистоте. Иначе мегаполисы попросту захлебнутся в собственном дерьме. Разумеется, чистой разветвленной системы сливов и труб занимаются исключительно тресы.

Эта грязная, унижительная и тяжелая работа. Гнить живо в Коллектор обычно отправляют в наказание за тяжкие проступки.

Борис покосился на хрупкую фигурку дикой. Он не мог взять в толк: как может один человек... один трес служить и для сексуальных утех и работать в Коллекторе? Такое не укладывалось в голове!

– Так что, Коллектор, да? – заглянул в глаза пленницы взводный.

Дикая ничего не ответила. Однако глаза отвела. Неужели Стольник угадал?

– А ожог на шее, случайно не от гладиаторского ошейника?

На щеках чернявой пленницы заиграли желваки. Опять в точку?

Ну, надо же! Так она еще и гладиатор?! Борис ошеломленно смотрел то на девчонку, то на командира. Да нет же, не может быть такого! А хотя... Хотя почему нет? На арены колизеев в последнее время выпускают не только мужчин. Женские бои тоже бывают. И смешанные команды дерутся. Такие бои сейчас, кстати, особенно популярны.

Борис вспомнил, как ловко девчонка свалила верзи-

лу-Гвоздя. Драться она умела. И вполне могла научиться этому на арене.

– Я смотрю, у тебя была о-о-очень насыщенная жизнь, – насмешливо произнес взводный. – Не хочешь поговорить об этом?

Она отвернулась.

– Погоди-ка, Стольник, – вмешался Ухо. – Так мы че, получается, типа, беглую поймали, что ли?

– Получается, – ответил командир, не отводя глаз от чернявой. – Типа того и получается. Причем, сдернула она не из какого-нибудь Хутора, а из города, в котором есть цивилизный рынок трес-шлюшек, есть Коллектор и есть колизей. Поблизости только один такой. Ставродар. И, честно говоря, я бы очень хотел знать, как ей удалось оттуда сбежать.

Ухо выругался.

– Да какая разница как удалось! На кой хрен она нам вообще сдалась?! Если привезем девку в Ставродар – придется возвращать хозяину.

Стольник покачал головой.

– Не придется, – взводный указал на рубец над грудью. – Идентификационное клеймо-тату она с себя содрала. Так что теперь никто не пробьет девчонку по базе. А значит, никто не вправе предъявлять на нее претензий. Теперь это наша добыча и только наша.

Дикая скривилась как от зубной боли.

– Ладно, – махнул рукой Стольник. – Не хочешь рассказы-

вать о себе – молчи. Пока молчи... Сейчас меня интересует другое. Объясни, что вы делали в буферке? Зачем поперлишься к Хуторам? Сколько групп с вами? Где искать остальных?

Она улыбнулась не по-доброму. И заговорила, наконец. Дерзко, с вызовом:

– А замучаешься искать остальных, пятнистый! Можешь считать этот рейд провальным.

Борис насторожился. Как-то уж слишком уверенно чернявая об этом заявила. Что-то в ее словах было такое... Она словно знала о чем-то, но не горела желанием поделиться своим знанием.

– Не каркай, сука! – нахмурился Ухо. Кажется, сержант тоже что-то почувствовал. Впрочем, не он один.

– погоди-погоди, сержант, – отстранил безухого помощника Стольник. Взводный присел перед чернявой на корточки. – А вот с этого места поподробнее, пожалуйста. Почему ты решила, что наш рейд будет неудачным?

– Потому что... – дикая понизила голос. – Потому что...

И – вовсе перешла на шепот. Стольник подался вперед.

– Тьфу!

Точный плевок угодил взводному в лицо.

Дикая улыбнулась.

Стольник утерся. Поднялся на ноги. Неодобрительно покачал головой.

– Напрасно ты так, подруга, – вздохнул он. Голос его был спокойным. Пугающе спокойным.

Одним лишь тоном сказанного Стольник демонстрировал свою силу и власть. И намекал на уйму возможностей заставить человека говорить, даже если он этого делать не хочет.

Вот только была тут одна загвоздочка. Принуждая пленницу к откровенности пытками, можно ее ненароком покалечить. А на калечном товаре много не заработаешь. Наверное, дикая тоже это хорошо понимала.

– Стольник! – сзади раздался чей-то крик.

Из командирской машины как ошпаренный выскочил связист. Парень подбежал к ним – взволнованный и радостный.

– Стольник, там это...

Махнул рукой куда-то за спину.

– Что? – нетерпеливо рявкнул взводный.

– Разведка вышла на связь!

– Ну?!

– Сообщают, что нашли еще диких. Других.

– Вот как? – Стольник хищно улыбнулся. Оживились хэды, стоявшие рядом. – Тоже идут сюда?

– Нет, не идут, – замотал головой связист. – Остановились в заброшенном Хуторе.

– Где?

– Западнее от нас. В часе езды отсюда. Ну... то есть разведчики добрались туда за час.

– Значит, колонна доедет за два – два с половиной, – вслух прикинул Ухо.

– Сколько диких? – спросил Стольник.

– Точно установить не удалось. Но, во всяком случае, побольше чем этих, – связист кивнул на чернявую.

Стольник тоже взглянул на пленницу:

– Ну что, подруга, не сбываются твои пророчества. Мы еще из буферки не вышли, а добыча, видишь, сама косяками прет прямо в руки. И знаешь, мне отчего-то кажется, что этот рейд будет особенно удачным.

– А мне так не кажется, – злобно процедила дикарка.

– Твои проблемы, – отмахнулся Стольник. Взводный повернулся к сержанту: – Ухо, девчонку – в тресовозку, заприте ее в клетке для буйных. Сами – живо по машинам! Выезжаем через три минуты.

Взводный направился к командирскому броневику.

– Собрать оружие! – загремел голос Ухо. – Все – по машинам! Быстро-быстро-быстро!

В поднявшейся суете взгляд сержанта выцепил Бориса:

– Берест, стой. Ты подстрелил девчонку – ты ею и займись. И за остальными дикими заодно приглядишь. Сядешь в тресовозку на место контролера. Гвоздь, помоги ему запихнуть дикую в отсек для буйных. Хватит кривиться, Гвоздь, это приказ! Давайте, давайте, шевелитесь. Наручники с нее снимете, но осторожнее там. И шмотки ей бросьте – пусть оденется. По ночам прохладно бывает, а простуженные трессы нам не нужны. Только это... из карманов все вытряхнете. И подкладку в куртке прощупайте, чтобы оружия никакого не было.

Оружия в куртке не было.

Борис и Гвоздь втащили пленницу в трес-транспорт и уже там сняли с нее наручники. Мышцы девчонки еще не полностью отошли от парализатора, так что дикарка двигалась неловко, практически не сопротивляясь.

Чернявую заперли в небольшом изолированном отсеке с двойными решетками, расположенном напротив места охранника-контролера. В клетку для буйных сажали самых опасных диких, за которыми требовался особый присмотр.

Туда же, в клетку бросили майку и куртку с вывернутыми карманами.

– Оденься, – велел Борис.

Чернявая потянулась за вещами.

Когда решетчатая дверь захлопнулась, уже вовсю ревели моторы. Гвоздь поспешил к машине Уха. Борис остался в трес-транспорте наблюдать за дикими.

Глава 8

Колонна шла на полной скорости. Дорога была дрянная. В тресовозке трясло еще сильнее, чем в бронетранспортере. О мягкости хода создатели этой машины, явно, заботились не в самую первую очередь. Их интересовало другое: чтобы в железную коробку на колесах вмещалось побольше народу.

Кабину водителя отделяла глухая перегородка. Возле кабины имелся узкий проход с двумя решетчатыми дверьми, через которые заводили и выводили пленных. Или заносили и выносили.

Между дверьми в небольшом тамбуре крепилось откидное сиденье и небольшой пульт, вмонтированный в стену. Здесь дежурил охранник-контролер. Сейчас на месте контролера сидел Борис.

Еще в Хуторе с ними провели необходимый инструктаж и дали несколько практических уроков. Борис знал о передвижной тюрьме и о правилах перевозки заключенных все, что нужно было знать хэдхантеру.

Несмотря на внешнюю простоту, тресовозки, представляли собой довольно сложную систему. Конструкторы, создававшие транспорты для перевозки людей, постарались продумать все до мелочей. При необходимости, одним нажатием кнопки на пульте контроллера, можно было опустить внутренние решетки, разбив все пространство тресовозки

на несколько отсеков. Можно было заблокировать выход дополнительной дверью. Можно было пустить по любому из многочисленных контуров несмертельный, но чувствительный электрический разряд. Под кабиной были установлены специально предназначенные для этого генератор и энергоемкие аккумуляторы, а в фургоне тресовозки имелись предупреждающие знаки и надписи.

Кормили заключенных через выдвижные кормушки в бортах и во внутренней двери-решетке. Выводить арестантов по нужде нужды не было. Такой вот каламбур-с... В полу тресовозки имелись отверстия для слива нечистот, и пленники должны были справлять свои естественные потребности на ходу. Всякий раз останавливаться и выводить диких наружу – замаешься. Да и небезопасно это: когда тресовозки набиты живым товаром, что называется, под завязку, уследить за всеми весьма проблематично.

О том, что будущие тресы задохнутся, можно было не беспокоиться: в салоне хватало зарешетченных окон, а при закрытых окнах работала мощная вентиляция. Воздушные потоки продували весь транспорт.

Когда колонна проходила мимо рек или водоемов, в специальные баки на крыше можно было закачать воду и под сильным давлением промыть тресовозку изнутри вместе с людьми. На сленге хэдов такая принудительная брандспойтная помывка называлась баней. Очень полезная и практичная процедура. Много времени не занимает, но позволяет

поддерживать должную чистоту даже при большой скученности.

А народу в одной тресовозки после удачного рейда может помещаться до ста человек... Голов...

Да, тесновато будет, конечно, но с учетом хорошей вентиляции и помывок – не смертельно. У охотников-хэдов нет цели морить свою добычу в душегубках. У них другая задача: доставить живой товар к месту продажи в целости и сохранности. Так что по сравнению с рабами-неграми, которых месяцами везли по морской болтанке в переполненных корабельных трюмах, у пассажиров тресовозки – условия вполне комфортные.

Правда, сам Борис и дня бы не хотел провести в подобном «комфорте».

Как и положено по инструкции, он следил за заключенными через решетку. Дикие в пустом и просторном (пока – пустом и просторном) салоне сбились в кучку. Сидели на незагаженном еще полу, в самом центре. Подпрыгивали вместе с машиной на кочках и ухабах. Косились на него. Все – подавленные, вялые после парализатора. Отчаявшиеся.

Чернявая была совсем рядом. Клетка для буйных находилась в паре шагов от места контролера. Взгляд Бориса нет-нет, да и соскальзывал на нее.

Чернявая кое-как застегнула непослушными пальцами джинсы, надела майку, влезла в куртку и теперь, морщась, сосредоточенно разминала руки и ноги. Восстанавливала

чувствительность в конечностях. Остаточное действие парализатора, наверное, не очень приятная штука.

Ага, девчонка окончательно пришла в себя.

Встала. Пошатываясь и чуть согнув ноги в коленях, шагнула к решетке. Дошла, несмотря на сильную тряску. Схватила за прутья, прислонилась лицом к железу. Сейчас ее личико, не искаженное судорогой, выглядело мило. Даже покрасневшее от злости, даже с горящими от ненависти глазами. А уж если это лицо еще и отмыть...

И фигурка, между прочим – что надо. Вот только шрамы на руках, шее и груди... А впрочем, и с ними за такую симпотягу неплохо заплатят.

«М-да, хороша, стерва! – подумал Борис. – Были бы деньги – купил бы себе такую. Да, вот именно такую бы и купил».

Но нужной суммы у него нет. И заработает он ее еще не скоро.

Борис заметил, как побелели тонкие пальцы, вцепившиеся в железные прутья. Спohватился. Вообще-то, подпускать буйных к решетке вплотную запрещалось.

– Эй! – крикнул Борис. – Ну-ка назад! Живо!

Но девчонке было наплевать на хэдхантерские правила. Она, не моргая, смотрела на конвоира.

«Змея!» – передернуло Бориса.

– Это ведь ты меня подстрелил, а пятнистый? – обратилась к нему дикая. Голос у нее был негромкий и приятный. Ласковый почти.

Она улыбалась. Так, как будто хотела его сожрать. Белели ровные зубки (редкость вообще-то для диких, за такие зубки любой покупатель сходу накинёт полцены), заиграли ямочки на щеках.

– Ну я, – буркнул Борис.

И прикусил язык. Вступать в разговор с тресами охраннику-контролеру не положено.

– Отойди от решетки, – посоветовал он. – Разряд словишь.

На пульте контроллера имелась кнопка, позволяющая влегкую выполнить эту угрозу. На внутренней двери висела предупреждающая табличка, которую дикая не могла не видеть.

Пленница, однако, и не подумала отходить.

– И что, много ты на мне заработал? Какую подачку кинули тебе командиры?

Борису этот разговор не нравится. Да и вообще обидно слушать такое. Ничего ведь он на своем первом тресе не заработал. Ухо за стычку с Гвоздем аннулировал его баллы.

– Отойди, говорю! – прохрипел Борис.

Конечно, он мог бы пустить ток на решетку сразу, без разговоров – Гвоздь так бы и поступил, но...

Какое-то «но» ему мешало. Не хотелось почему-то бить чернявую разрядом. Не было в этом пока необходимости. Девчонка и так уже настрадалась.

– Ты ведь у них новичок, да? Салага? – она блеснула глазами. – Суетишься, дергаешься, говоришь много.

– Пасть закрой!

Чернявая перестала улыбаться.

– Я тебя убью, пятнистый – вдруг тихо, но отчетливо, с грудным придыханием произнесла она. Сказала так, как иные экзальтированные барышни шепчут своему избраннику признание в любви.

– Чего? – опешил Борис. Такая заява! Оч-ч-чень неожиданно...

– Убью, говорю тебя. Потом. Земля круглая, пятнистый, а мир тесен. Когда-нибудь мы с тобой встретимся так, что решетки между нами не будет.

Ну надо же, какой пафос и какая уверенность! Девчонка, брошенная в тресовозку, грозит расправой хэдхантеру...

– Для такой встречи тебе нужно сначала освободиться, – усмехнулся Борис. – Как минимум...

– Однажды я уже освободилась, – она коснулась своей левой груди, уже упрятанной под майку и куртку.

Значит, Стольник прав? Значит, на груди чернявой, в самом деле, был вытатуирован идентификационный номер?

– Посмотри на меня внимательно, пятнистый. Посмотри и запомни: ты видишь свою смерть.

Он снова не смог сдержать улыбки. На понты берет дикарка! Только неумело как-то, неубедительно! Все-таки свою смерть Борис представлял несколько иначе.

Все это становилось забавным.

Чернявая улыбнулась ему в ответ. Одними губами. Ледя-

ной улыбкой, от которой, казалось, зазвенел воздух в контролерском тамбуре. Глаза дикой не улыбались... Наверное, такие глаза, действительно, могли бы принадлежать старухе с косой.

Бориса перестало забавлять происходящее.

– Знаешь, что, смертушка, – процедил Борис. – Вообще-то, если бы не я, тебя бы вы...ли, как дохлую сучку.

Он вспомнил искаженное лицо Гвоздя, его хриплый голос и руки, судорожно стягивающие джинсы с обездвиженного тела чернявой девчонки.

– Во все дырки вы...ли бы!

Она смотрела ему в глаза долго и внимательно. Борис игру в гляделки выдержал.

– Я, можно сказать, тебя от надругательства спас, а ты тут убивать меня собралась, – хмыкнул он.

– Тогда, я убью тебя быстро, – серьезно сказала она, пожав плечами. Ее большие карие глаза блестели. Причиной такого блеска обычно бывает или страсть или лютая ненависть.

О страсти сейчас речи идти, конечно же, не могло.

– Ты не будешь мучаться долго, пятнистый. Обещаю.

Однако! Как мило! Мило...

Борис напрягся. А ведь она, тварюшка эта, действительно, ему начинала... Нравиться начинала, что ли? Поймав себя на этой мысли, Борис пару раз прокрутил ее в голове, глядя в горящие глаза-угольки собеседницы. Убедился, что да, все именно так и обстоит.

Начинает.

Нравиться.

Или не начинается? Или, может быть, не сейчас все произошло? Может, раньше? Может, еще тогда, когда он отбивал девчонку у Гвоздя?

Что ж, тем хуже. Не к месту и не ко времени зародившаяся симпатия его встревожила. Симпатия имеет свойство перерастать в нечто большее, а это ему ни к чему. Хэдхантер, втюрившийся в дикую, которая спит и видит, как бы отправить его на тот свет... Курам на смех!

– Ну и чего уставился? – фыркнула чернявая. – Нравлюсь, что ли?

Сучка словно читала его мысли. Молодые привлекательные стервозы вообще очень чутки на этот счет.

Ага, ну вот он уже и не сомневается в ее привлекательности! Борис вновь прислушался к своим ощущениям, попытался проанализировать их – отстраненно и холодно. Они ему не понравились.

Нет, так нельзя. Ему так нельзя ни в коем случае!

Если он – по эту сторону решетки, а она – по ту. Если он – тюремщик, а она – узница. Если он – хэдхантер, а она... Она треска. Бывшая. И будущая.

В такой ситуации симпатия вредна и опасна. Гнать ее надо, на хрен, эту симпатию. Он здесь для того, чтобы делать карьеру, а не романтические шуры-муры разводить.

– Пшла вон! – бросил он ей, как собаке.

Постарался, чтобы вышло поглубже.

– Неубедительно, – она презрительно скривила губы.

Борис пустил ток по решетке.

Вскрик...

Чернявую отбросило на пол.

Девчонка упала неловко. Ударилась плечом. Скривилась.

Заскулила от боли. Не такая уж она, оказывается, и железная леди.

Тресовозку немилосердно тряхнуло. Дикую отбросило в сторону, словно тряпичную куклу.

Борис вздохнул. Какая-то несуразная смерть ему досталась. Захотелось даже помочь девчонке подняться. Да и вообще... Он снова ощутил смутное чувство, похожее на жалость к беспомощной пленнице. На жалость или на банальное влечение. Ага!

Борис улыбнулся. Такое объяснение неуместных переживаний нравилось ему больше. Обычное ведь дело... Он – здоровый мужик без бабы, она – молодая самка, и совсем рядом.

Жалость и естественное влечение – лучше, чем симпатия и сочувствие. Так что теперь можно успокоиться. Себя успокоить можно.

Тресовозка затормозила так резко, что Бориса вжало в спинку контролерского сидения. Диких за решеткой разбросало по салону. Чернявую припечатало головой о борт.

С лязгом открылась наружная дверь. В контролерский тамбур сунулась голова Уха.

Кинув быстрый взгляд в салон и убедившись, что дикие в порядке, Ухо набросился на Бориса.

– Чего рассиживаешься? Дуй на выход.

Борис выбрался наружу, огляделся.

Судя по всему, они находились в окрестностях Хутора, где была замечена группа диких. Вдали виднелись развалины фермы, покосившиеся столбы ограждений с пучками ржавой колючки, заброшенные поля, на поля больше не похожие.

Неподалеку догнивал проржавевший и заросший бурьяном тракторный остов. Возле трактора строилась группа Уха. Все – при оружие, готовые выступить.

– Уже приехали? – удивился Борис.

– Дальше пешком пойдем, – отозвался Ухо. – Стольник боится раньше времени спугнуть добычу. Машины приказал оставить здесь.

«Наверное, правильно», – решил про себя Борис. Если дикие засели в заброшенном Хуторе, сафари с наскока уже не получится. Тут нужна другая тактика. Подкрасться, окружить, внезапно атаковать со всех сторон. Вот только...

– А как же эти? – Борис обернулся к тресовозке.

– За этих не переживай, – отмахнулся Ухо. – За ними водила присмотрит.

Водитель – крепкий бугай с веснушчатым лицом, действительно, уже перебирался из кабины в салон тресовозки.

– Сержант! – к трес-транспорту вдруг подскочил разъяренный Стольник.

Борис аж вздрогнул от окрика взводного.

– Сержант, кто позволил сажать в контролеры новобранца?!

– А кто запрещал? – Ухо пожал плечами. – Раньше ведь сажали – и ничего, никаких проблем.

– Раньше было раньше! – осадил подчиненного Стольник. Взводный был не в себе от бешенства. – Минус пять баллов! С тебя, лично!

Ухо непонимающе захлопал глазами.

– Да тут езды-то было всего ничего. Дикие никуда бы не делись, даже без охраны.

– Слушай, ты идиот, да?

Сержант насупился:

– А в чем проблема-то, Стольник?

– Я тебе потом объясню, – процедил взводный. – После охоты. Догоню и еще раз объясню. А пока води группу.

Немного успокоившись, Стольник перешел на деловой тон:

– Подойдете к Хутору со стороны центрального въезда. Вторая и третья группа обойдут поселок с северо-востока и северо-запада, потом выдвинутся вам навстречу. Займете позиции – доложите. Только смотри в оба, Ухо: возле Хутора может быть охрана. Разведка видела у диких несколько стволов. Так что без самостоятельности. Атаковать по приказу. Действовать по команде. Ясно?

– Да понял я все, Стольник, – уныло отозвался сержант.

Штраф в пять трес-баллов здорово испортил ему настроение.

– Тогда – вперед.

– Вперед! – приказал Ухо группе.

Хэды ломанулась вслед за сержантом.

– Берест, отставить, – остановил Бориса Стольник. – Подожди секунду.

Не понимая в чем дело, Борис остановился перед командиром. Тот, вперился в него тяжелым взглядом:

– С дикими говорил?

– Когда? – Борис сделал вид, что не понял. – Где?

– В тресовозке.

– Никак нет, – соврал Борис.

– Точно? – Стольник не отводил глаз. – Никакой лапши тебе на уши навешать не успели?

– Не было такого, – замотал он головой.

Ну, если не считать, что его пообещали убить. Правда, убить быстро и по-возможности безболезненно.

Секунду-другую Стольник еще вглядывался в его лицо. Потом махнул рукой.

– Ладно. Догоняй группу.

Борис догнал.

– Слушай, Ухо, что за беда такая? – поинтересовался он у сержанта. – Чего Стольник так взъярился?

– А хрен его знает! – сплюнул сержант. – Раньше ему до фонаря было, кто в контролерах сидит – хоть салага, хоть

дед. А теперь как муха какая-то укусила. Ну, находит иногда на него. Ладно, не бери в голову, салага. Сейчас о другом думать надо.

Это было правдой. Сейчас следовало думать о новой охоте.

Глава 9

Хутор располагался в широкой котловине, окруженной холмами. Деревьев – совсем немного, зато полно высокой травы и густого кустарника... Если уметь, можно было спрятаться и здесь. Хэдхантеры умели.

Группа Уха залегла на одном из холмов. Отсюда Хутор просматривался вдоль и поперек, благо, у каждого охотника имелся мощный армейский бинокль.

Это был довольно большой Хутор. Когда-то был.

Раньше, до первой волны кризисов здесь жил своей спокойной несуетной жизнью довольно крупный провинциальный поселок. Возможно, райцентр.

Потом жизнь начала уходить. Причины – известные. Те же, что и везде. Безработица, нищета, отчаяние, повальное пьянство, бандитский беспредел, бегство молодежи – той ее части, что нашла в себе силы сбежать.

Позже, когда на месте таких вот оказавшихся не у дел селений появились сельскохозяйственные общинные Хутора, агония умирающего поселка растянулась еще на некоторое время. Но даже самых упертых хуторян, в конце-концов, выдало опасное соседство с дикими.

Оборвалась связь с большой землей и оживленными торговыми путями. Участились набеги голодных банд. И все... И – конец.

Безымянному населенному пункту (кто помнит сейчас прежние имена и названия таких вот провинциальных дыр?) просто не повезло оказаться в расширяющейся буферке.

Только и всего...

Тоскливо было смотреть на это. Тоскливо было об этом думать. Борис вздохнул. Очень скоро и его Хутор постигнет та же участь. И ничего с этим не поделать. Такие процессы не остановить.

Это был непостижимый парадокс: чем дальше проникали за буферку хэдхантерские группы, тем яростнее становился натиск диких на приграничные Хутора. Словно состязались две силы. И если в чем-то выигрывала одна, то она же чем-то обязательно и проигрывала.

Заброшенный Хутор опоясывал покосившийся забор внутреннего ограждения. Бетонные блоки в шапках ржавой «колючки» стояли неровно. Кое-где между плитами зияли щели.

Единственный въезд в Хутор – ворота с отсутствующими створками – был, тем не менее, надежно перекрыт. Дорогу преграждала широкая канава-ров с крутыми стенками, за ней – оплетенная колючей проволокой баррикада, разобрать которую было не так-то просто. Битый кирпич, куски бетона, столбы, бревна, груды камней и земли с торчащей во все стороны арматурой.

Всюду – во рву, на баррикаде, и за баррикадой были разбросаны доски с длинными ржавыми гвоздями. Не пройти,

не проехать, одним словом. Даже на хэдхантерских вездеходах такую преграду не преодолеть. Только машины колеса пропорют. Кто-то очень постарался, чтобы обезопасить себя от атаки через главный въезд.

За бетонным забором виднелись уцелевшие дома. Некоторые – так вполне себе еще ничего домики. Ближе к центру, вдоль широкой главной улицы сохранились добротные постройки в два-три этажа. А в самом центре – на небольшой площади, заросшей сорняком, пробившимся сквозь трещины в асфальте, высилась блочная коробка пятиэтажки с пустыми глазницами окон. В прошлом, судя по всему – административное здание. Хуторская контора, надо полагать.

И центр, и центральная улица располагались ближе к въезду в Хутор. Ближе к их группе. Дальше тянулись непролазные трущобы, которые, слава Богу, придется зачищать другим. А в том, что будет от кого зачищать Хутор, Борис не сомневался.

Из трубы небольшой серой развалюхи поднимался слабый-слабый, едва различимый дымок. Где бы не находился человек и как бы он не был напуган, а пищу готовить нужно. Впрочем, хэдхантерские бинокли позволяли видеть не только слабую дымную струйку.

Вон – движение. Хуторскую площадь опасливо, с оглядкой, перебежал человек. Еще один быстро пересек улицу на окраине.

– Здесь они, голубчики, здесь, – оскалился Ухо, – разведка

не ошиблась.

– Че-то мало их, – поморщился Гвоздь. Он тоже не отличался от бинокля.

– Попрятались, – отозвался сержант. – Осторожные какие! Дозорного видишь?

– Где? – Гвоздь водил биноклем по сторонам. – Не вижу никого.

– Не туда смотришь потому что. Ты не на Хутор пялься. И не на забор. Холмик перед въездом видишь? Справа от дороги?

– Ага.

– Дерево видишь?

– Ну?

– А кусты под деревом?

– Вижу.

– Теперь под кустами смотри.

– О, точняк! – хмыкнул Гвоздь. – Охранничек, мля...

Борис тоже пошарил биноклем в указанном направлении. Увидел.

Неприметная кочка под кустами. Но у кочек не бывает глаз. У этой были. Значит не кочка. Значит – голова, прикрытая листвой и измазанная грязью.

Да, дикий замаскировался неплохо. Но разве спрячешься от хэдхантерской оптики и глаза опытного охотника?!

– Надо бы еще холмы с той стороны проверить, – озабоченно пробормотал Гвоздь. – Может там тоже...

– Это уже не наша забота, – отозвался Ухо. – Ту сторону проверят другие группы. Меня больше смущает пятиэтажка в центре. Я бы на месте диких, посадил бы туда стрелков и наблюдателей. А если стволы есть – дал бы им самые лучшие. С пятого этажа видно весь Хутор.

– Слышь, Ухо, – Гвоздь отнял бинокль от лица, – Дай дозорного мне, а?

Сержант ответил не сразу. Задумался.

– Ну будь человеком! – шептал Гвоздь. – Ты же с меня два балла снял. Мне теперь наверстывать нужно.

– Ладно, валяй, – кивнул, наконец, сержант. – Дозорный в кустах – твой. Только чтоб без шума. Облажаешься – десять баллов потеряешь. Я предупредил.

– Не бойсь, Ухо, все сделаю в лучшем виде, – оскалился Гвоздь.

Неприметной пятнистой ящерицей он юркнул в извилистую ложбинку, промытую сильными дождями. Хэдхантерский камуфляж растворился в густой растительности.

Борис, потеряв Гвоздя из виду, вновь направил бинокль на дозорного. Заросшее русло высохшего ручья, подходило почти к самому холму, на котором тот оборудовал себе укрытие.

В последний момент дикий, похоже, что-то заподозрил. Чуть приподнялся, вглядываясь в качнувшуюся траву под холмом. Но тут же дернулся и без крика уткнулся мордой в землю.

Сполз за кусты.

На месте головы-кочки остался косо торчать над землей ружейный ствол. Какая-то старая двуствольная берданка. Но в руках дикого это не самое безобидное оружие.

К счастью, на этот раз все прошло быстро и, главное, тихо. Пневматический подствольный ампуломет метает шприцы негромко.

Пятнистая тень, укрытая холмом от наблюдателей из поселка, ловко вскарабкалась по крутому склону. Это заняло некоторое время. Тревоги никто не поднимал.

Гвоздь залег на вершине, чуть в стороне от подстреленного дикого. Замер, осматриваясь.

– Гвоздь, доложи, – потребовал Ухо.

Сержант говорил по общей внутригрупповой связи, так что Борис услышал ответ.

– Клиент готов, – раздался в шлемофоне довольный шепот Гвоздя. – Счет, типа, открыт. Первый трес – наш. Первый трес-балл – мой.

– Он там один? – спросил Ухо. – Дикий этот? С той стороны холма больше никого нет?

– Не-а. Никого не вижу.

– Ладно, не светись лишку. Пакуй клиента и жди нас.

Борис видел в бинокль, как Гвоздь засуетился. Отцепил от пояса наручники. Вполз в кусты, за которыми лежал дикий.

Через пару мгновений в шлемофоне раздался сдавленный мат.

– Что там?! – насторожился Ухо.

– Труп, мать его! – раздосадованный Гвоздь говорил, словно плевался словами. – Я ему, оказывается, шприцом в глаз засадил! Наверное, игла до мозга достала.

– Кретин! – процедил Ухо. – Зачем в голову стрелял!

– Так у него голова одна только и торчала! – Не то оправдывался, не то возмущался Гвоздь. – А у шпиков сам знаешь, какой разлет. Точно в цель никогда не ложатся.

– Ладно, хватит ныть, – одернул подчиненного сержант. – Свое еще в поселке возьмешь.

– Внимание, общий эфир! – неожиданно вклинившийся голос Стольника, заставил хэдхантеров замолчать. – Доложить о готовности к операции.

– Первый на позиции, – четко произнес Ухо. – К операции готов.

– Второй на позиции, – сообщил командир второй группы. – Готов.

– Третий на позиции, – переключку закончила разведка. – Готов.

– Подступы к объекту? – Стольник задавал вопросы коротко и по существу.

– Чисто, – снова первым начал Ухо.

– Чисто...

– Чисто... – эхом отозвались еще один голос.

– Проблемы были? – Перед началом операции командир хотел знать все. – Первый?

– Я первый, – идентифицировал себя Ухо и, не вдаваясь в подробности, доложил: – Один дозорный на главном въезде. Один ствол. Израсходован один шприц-патрон. Дозорный обезврежен...

Помедлив секунду, сержант со вздохом добавил:

– Мертв.

Ну да, такого уже не утаишь.

– Мертв? – Судя по голосу, Стольника эта новость не обрадовала. – Первый, почему дикий мертв? Кто виноват?

– Никто, – буркнул Ухо. – Несчастный случай. Шприц попал в глаз.

– Первый, минус трес-балл на личном счете, минус трес-балл на групповом счете. Впредь действовать аккуратнее. Как понял?

– Есть минус трес-балл на личном и групповом, – угрюмо повторил Ухо. – Есть аккуратнее.

– Второй, что у вас?

– Один дозорный, – бодро отрапортовал командир второй группы. – Сидел в кустах на краю котловины. – Из оружия – самострел, тесак, сигнальная ракета. Израсходовано два шприц-патрона. Дозорный обезврежен. Жив.

– Экономнее с нелеталкой, второй. Третий?

– Два дозорных на южных холмах. Оружие: ножи, обрез. Израсходовано два шприца. Дозорные обезврежены. Живы. Вяжут обоих.

– Хорошо, третий. По плюс трес-баллу отличившимся.

Плюс трес-балл на твой личный счет. Трес-балл на группу.

Ухо скрежетнул зубами. Тихонько ругнулся Гвоздь. Но долго сокрушаться им Стольник не дал.

– Входим в поселок! – прозвучал новый приказ. – Пока не заметили – идем скрытно. Когда заметят – действуем быстро. Боевыми работать, только если иначе нельзя. Нелеталку зря не расходовать. На общую связь выходить по необходимости. Действовать по ситуации. На свое усмотрение.

Ага, как же... После такой переклички, после выволочки первой группе и пряника – третьей не очень-то на свое усмотрение и подействуешь. Все равно будешь работать с оглядкой на Стольника и трес-баллы.

– Все, начали!

Стольник ушел из эфира.

– Вперед, – скомандовал Ухо.

Глава 10

Они прошли мимо холма с мертвым дозорным, подобрали злющего, как дюжина голодных аллигаторов Гвоздя. Ухо еще раз внимательно осмотрел окраины Хутора. Возле Хуторской ограды движения не наблюдалось. Не было видно и намеков на засаду.

Наверное, дикие полагались на внешние дозоры.

– Пройдем по балке во-о-он туда, – Ухо указал автоматом на две покосившиеся плиты в ограде.

Входить в заброшенный Хутор через забаррикадированные ворота и идти дальше по широкой хорошо просматриваемой центральной улице, он не хотел.

Борис отметил про себя, что безухая голова сержанта работает неплохо. К выбранной точке входа почти вплотную прилегал небольшой овражек. И что немаловажно, из подозрительной пятиэтажки этот участок практически не просматривался: мешали крыши домов и разросшиеся деревья.

Через проем между бетонными блоками, вполне мог протиснуться охотник в полном снаряжении. Это было проще, чем лезть через забор, рискуя запутаться в колючке на виду у диких. И это гораздо безопаснее, чем открыто входить в ворота.

Если дикие не охраняют все дыры в заборе, можно будет проникнуть в Хутор незамеченными.

– Гвоздь, пойдешь первым, – распорядился Ухо. – Посмотришь что там, как и доложишь.

Борис удивился. Сержант дает Гвоздю еще один шанс?

Долговязый хэд довольно улыбнулся. Кивнул. С готовностью нырнул в густые заросли.

Пополз по-пластунски к покосившейся бетонной ограде.

Вот пятнистая спина Гвоздя мелькнула на дне оврага.

Вот качнулась крапива у забора.

Вот хэдхантер с автоматом наизготовку заглянул в заросший кустами проем, поводя стволом по окнам ближайших домов.

А вот, не заметив ничего подозрительного, шагнул за ограду...

Бу-ху-xxx! – Взрывом Гвоздя отбросило обратно вместе с комьями земли, бетонным крошевом и визжащими осколками. Взметнулись к небу клубы дыма и пыли.

Гвоздь заорал.

В поселке тоже слышались крики. Дикие всполошились.

Нет, они полагались не только на внешние дозоры.

– Сука! – выплюнул Ухо. – Растяжка! Вот мудак, Гвоздь! Под ноги не мог посмотреть?!

– Первый, что там у вас?! – требовательно затрещал в шлемофоне голос Стольника.

– Ловушка, – доложил Ухо. – Мы обнаружены. Одного потеряли.

«Вообще-то не потеряли еще», – подумал Борис. Гвоздь-то еще жив. Правда, не понятно, долго ли протянет.

– Так у них че, гранаты, что ли есть? – растерянно про-
бормотал кто-то. Борис обернулся на голос. Щебра... Лицо односельчанина заметно побледнело. – Или мины?!

Да уж, неприятное открытие. Сказать по правде, Борису тоже охота представлялась несколько иначе. Уж во всяком случае, не так, чтобы сразу – и потери.

– Вряд ли гранаты или мины, – спокойно отозвался Ухо. – Просто самоделка какая-нибудь сигнально-фугасная.

«Просто самоделка»? Гвоздю от этого легче не было. Он все орал и орал благим матом. Бронежилет и каска, выдержали град осколков, а вот правая нога была оторвана по колено, и правая рука – посечена осколками. И всю правую половину лица как рубанком стесало. Прозрачное противоударное забрало каски, защищало от ударов, но не от взрывав.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.